

NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№49/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 24 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

PEDAGOGICAL SCIENCES

Kudriavtseva H.

INTERACTIVE METHODS AS A MEANS OF
PROFESSIONAL RESPONSIBILITY FORMATION OF
FUTURE POLICE OFFICERS..... 3

Zadorozhna M.

CRITERIA, INDICATORS AND LEVELS OF FORMATION
OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE PRICE
POLICE OFFICERS..... 7

Mirzagitova A.

CONCEPT AND ESSENCE OF THE QUALITY OF
ACTIVITIES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS.....10

PHILOLOGICAL SCIENCES

Akimova A.

BRIEF OVERVIEW OF THE RUSSIAN-YAKUTSK
DICTIONARY N.N. PAVLOVA, I. N. POPOVA (1948;
1949) 13

**Beglyarova A., Beshykova F.,
Larina O., Sherbinina N.**

FAILURE TO COMPLY WITH THE FORM AND
CONDITIONS FOR CONCLUDING A MARRIAGE
CONTRACT AS ONE OF THE GROUNDS FOR ITS
INVALIDITY 15

Korolkova A., Zhebrunova L.

APHORISTIC LITERATURE BY BORIS PASTERNAK..... 18

**Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,
Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R.**

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY IN
PHRASEOLOGY 21

**Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,
Khuazheva N., Shkhalakhova R.**

COMPOUND WORD AS ONE OF THE MOST
PRODUCTIVE FORMS OF WORD FORMATION IN
MODERN ENGLISH 23

**Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,
Khuazheva N., Shkhalakhova R.**

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT “MONEY”
IN THE LANGUAGECONSCIOUSNESS OF RUSSIANS
AND AMERICANS (BASED ON THE ASSOCIATIVE
EXPERIMENT) 26

**Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,
Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R.**

TRANSLATION AS A CULTUROLOGICALLY
DETERMINED CONCEPT 28

Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,

Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R.

SEMANTIC FEATURES OF THE ADYGHE PAREMIAS
INCLUDING PLANT NOMINATIONS 32

Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,

Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R.

TO THE QUESTION ABOUT THE ENGLISH LEXICAL
SYNONYMY 34

Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,

Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R.

NOMINATION CLASSIFICATION OF THE PLANT WORLD
IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT (BASED ON
THE WORKS OF THE ADYGHE WRITERS) 37

Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,

Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANTHROPOMORPHIC
COMPONENT (BASED ON THE ENGLISH
LANGUAGE) 40

Khatkhe A., Chitao I., Khuazheva N.

“POLYSEMY” AND “BROAD-MEANING” IN ENGLISH
COLLOQUIAL SPEECH 43

Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,

Khuazheva N., Shkhalakhova R.

THE PRONOUN AS AN INTEGRAL PART OF EACH
LANGUAGE 45

Khatkhe A., Chitao I., Autleva F.,

Khuazheva N., Shkhalakhova R.

FORMATION OF ADVERBS IN ADYGH, ENGLISH AND
RUSSIAN LANGUAGES 48

Sheremet A.

FEMINITIVES AS LEXICAL MATERIAL FOR STUDY
UKRAINIAN LANGUAGE BY INTERNATIONAL
STUDENTS.....50

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Zasluzhennaya A., Zheludenko M.

PSYCHOLOGICAL ASPECT OF DISTANCE
LEARNING..... 53

SOCIAL SCIENCES

Gridasova E.

CAUSE-LOGICAL CONNECTION OF DISABILITY
MODELS 56

PEDAGOGICAL SCIENCES

INTERACTIVE METHODS AS A MEANS OF PROFESSIONAL RESPONSIBILITY FORMATION OF FUTURE POLICE OFFICERS

Kudriavtseva H.

*Postgraduate student of the Department of Sociology and Psychology
Kharkiv National University of Internal Affairs
(Kharkiv, Ukraine)*

ІНТЕРАКТИВНІ МЕТОДИ ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ МАЙБУТНІХ ОФІЦЕРІВ ПОЛІЦІЇ

Кудрявцева Г.І.

*аспірантка кафедри соціології та психології
Харківського національного університету внутрішніх справ
(Харків, Україна)*

Abstract

The article defines the essence of the concept "professional responsibility" in the context of a police officer professional activity. The necessity of professional responsibility formation as a personal phenomenon of a future police officer while studying at the higher educational institution is substantiated. The complex of interactive methods and forms of training and a technique of their realization for the purpose of cadets' professional responsibility formation is defined.

Анотація

У статті визначено сутність поняття «професійна відповідальність» у контексті професійної діяльності офіцера поліції. Обґрунтовано необхідність формування професійної відповідальності як особистісного феномена майбутнього офіцера поліції під час навчання у закладі вищої освіти. Визначено комплекс інтерактивних методів і форм навчання та методика їх реалізації з метою формування у курсантів професійної відповідальності.

Keywords: professional responsibility, interactive methods and forms of training, future police officers, cadets.

Ключові слова: професійна відповідальність, інтерактивні методи та форми навчання, майбутні офіцери поліції, курсанти.

Постановка проблеми. Розвиток системи вищої професійної освіти вимагає від педагогічної науки й практики запровадження в освітній процес методів та форм навчання, які стимулюють розвиток професійних вмінь та навичок, а також професійно важливих якостей у майбутніх фахівців. Однією з причин реформування Національної поліції в Україні була необхідність врахування запитів і потреб суспільства у контексті забезпечення поліцейськими безпеки громадян, дотримання і захист їхніх прав і свобод. У свою чергу, це потребувало модернізації відомчої освіти, зокрема, освітнього процесу підготовки майбутніх офіцерів поліції на засадах компетентнісного та особистісно орієнтованого підходів, формування в них професійно важливих особистісних якостей та феноменів. До таких феноменів відносять професійну відповідальність, яка складає усвідомленого і сумлінного виконання професійних обов'язків відповідно до вимог закону.

Різні аспекти і питання підготовки кадрів для правоохоронних органів, формування в них професійно важливих якостей розглядали юристи, психологи, педагоги, як-от, С. Алфьоров, В. Андрейцев, В. Андросюк, О. Бандурка, В. Бондаренко, М. Горська, І. Зозуля, І. Івашкевич, І. Клименко, О. Користін, В. Лень, В. Ліпницький, В. Монастирський,

В. Сокурєнко, Л. Стецюк, О. Федоренко, В. Черней, Д. Швець, П. Яременко. Проте, аналіз проведених наукових досліджень свідчить, що проблема формування професійної відповідальності у майбутніх офіцерів поліції не ставала предметом окремого дослідження.

На підставі узагальнення правових і психолого-педагогічних досліджень [] щодо визначення сутності поняття «професійна відповідальність», нами було визначено професійну відповідальність офіцера поліції як інтегративну якість особистості, яка є результатом відображення ставлення до поставлених обов'язків і пов'язана із дотриманням правових норм при здійсненні професійної діяльності, виявляється в здатності приймати обґрунтовані рішення та готовності відповідати за результати і наслідки своєї професійної діяльності.

Формування професійної відповідальності у майбутніх офіцерів поліції, як складного особистісного феномену, вимагає використання методів і форм навчання і виховання особистості, які стимулюватимуть курсантів до професійного і особистісного розвитку, сприятимуть залученню до активної навчальної діяльності задля оволодіння професійними вміннями і навичками, дозволять набутти досвіду здійснення елементів професійної діяльності

ще під час навчання у закладі вищої освіти із специфічними умовами навчання. Інтерактивні методи і форми навчання у даному контексті мають значний дидактичний і виховний потенціал, оскільки сьогодення вимагає від фахівця не лише наявності знань, умінь та навичок, а й здатності до продуктивної взаємодії з іншими людьми, самостійного й відповідального прийняття рішень.

Мета статті – проаналізувати досвід використання інтерактивних методів і форм навчання та обґрунтувати їх дидактичні можливості при формуванні професійної відповідальності майбутніх офіцерів поліції під час навчання у закладах вищої освіти із специфічними умовами навчання.

Виклад основного матеріалу. Інтерактивний підхід в освіті є найбільш сучасною формою інтерактивних методів навчання, заснованих на положеннях комунікативного підходу. Інтерактивний («inter» – це взаємний, «act» – діяти) – означає взаємодіяти або знаходитись в режимі бесіди, діалогу з ким-небудь [5]. Тобто інтерактивні методи навчання – це «спеціальна форма організації пізнавальної і комунікативної діяльності, яка реалізується через спільну діяльність студентів (курсантів), що дозволяє обмінюватися інформацією, спільно вирішувати проблеми, моделювати ситуації, оцінювати свої дії та дії інших. Студенти виявляються залученими в процес пізнання, мають можливість розуміти і рефлектувати з приводу того, що вони знають і думають. Інтерактивні методи навчання орієнтовані на «широку взаємодію студентів не тільки з викладачем, але і один з одним, на домінування активності студентів і на активізацію внутрішнього діалогу (екзистенційного переживання студентами навчального матеріалу)» [3, с. 25].

Інтерактивні методи навчання дозволяють реалізувати особистісно-зорієнтоване навчання, оскільки стимулюють інтерес, сприяють соціалізації особистості, усвідомленню себе як майбутнього фахівця, важливості обраної професії, своєї соціальної ролі і професійного потенціалу.

Аналіз вітчизняної і зарубіжної літератури свідчить, що, починаючи з 90-х років ХХ століття, інтерактивні методи є пріоритетними методами навчання, де головна увага приділяється створенню комфортних умов навчання, за яких кожен курсант відчує свою успішність, інтелектуальну спроможність. Сутність інтерактивних методів полягає в тому, що вони активізують взаємодію між собою всіх учасників освітнього процесу, у першу чергу, курсантів. Їх застосування в освітньому процесі забезпечує багатосторонню комунікацію, що пробуджує у курсантів різноманітний спектр переживань, пов'язаних із взаєминами з людьми, можливістю набуття досвіду колективного або самостійного вирішення професійних проблем.

Основу інтерактивного навчання складають методи, які орієнтовані на цілеспрямовану, спеціально організовану групову (міжгрупову) діяльність, можливість безпосереднього отримання зворотного зв'язку між всіма учасниками. Важливо підкреслити, що вибір інтерактивних методів і форм нав-

чання для формування професійної відповідальності пов'язаний, з тим, що, їх використання сприяє ефективному засвоєнню навчального матеріалу та безпосередньому застосуванню його на заняттях; дозволяє впливати на почуття та переживання людини, на формування її позиції, думок, ставлень; забезпечує оволодіння життєвими і професійними навичками; стимулює до зміни поведінки та набуття нових її форм [4].

Основними складовими інтерактивних методів навчання є інтерактивні вправи і завдання, які виконуються студентами. Принципова відмінність інтерактивних вправ і завдань від звичайних в тому, що в ході їх виконання не тільки закріплюється вже вивчений матеріал, а більшою мірою набуваються вміння застосовувати його у різних ситуаціях, які моделюють умови професійної діяльності.

У сучасній педагогічній теорії та практиці накопичено великий арсенал інтерактивних вправ, серед яких можна виділити наступні: *творчі завдання*, робота в малих групах, навчальні ігри (рольові ігри, імітації, ділові ігри і освітні ігри), соціальні проекти, вивчення і закріплення нового матеріалу (інтерактивна лекція, робота з наочною допомогою, відео- і аудіоматеріалами, «кожен учить кожного»), дискусія, дебати, мозковий штурм тощо [пометун, с., с.78].

О. Пометун, Л. Пироженко об'єднують форми інтерактивного навчання у чотири групи, залежно від мети заняття та форм організації навчальної діяльності студентів: 1) кооперативне навчання (робота в парах, трійках, карусель, робота в малих групах, акваріум тощо); 2) колективно-групове навчання (мікрофон, незакінчені речення, мозковий штурм, «навчаючи — вчуся», «ажурна пилка» та ін.); 3) ситуативне моделювання (імітаційні ігри, рольова гра, драматизація та ін.); 4) опрацювання дискусійних питань (метод ПРЕС, «займи позицію», «дискусія» тощо) [7].

А. Нісімчук, О. Падалка, О. Шпак поділяють інтерактивні методи навчання на ігрові і неігрові. Ігрові інтерактивні методи навчання включають: імітаційні методи, до яких відносять: рольові ігри (ігри-драматизації; рольові дискусії; ділові ігри, що включають операційні та імітаційні ділові ігри).

Неімітаційні ігрові інтерактивні методи навчання представлені: дослідницькими діловими іграми; кейс-методом; проектними методами; організаційно-діяльними іграми (організаційно-розумові, моделюючі, проектні гри); аналізом конкретних ситуацій (аналіз мікроситуацій, аналіз ситуацій-ілюстрацій, аналіз ситуацій-проблем, розбір і обговорення конкретного матеріалу, вивчення передового досвіду і обмін знаннями); тренінговими методами (тренінг сенситивності, комунікативний тренінг та ін.).

Неігрові інтерактивні методи навчання представлені методами діалогічної взаємодії: дебати, диспути, відкриті форуми, різні види дискусій («Круглий стіл», проблемна дискусія, експрес-дискусія, «Ліберальний клуб» та ін.), а також методами автентичного оцінювання досягнень студентів (портфоліо) [6].

З метою формування у курсантів професійної відповідальності як особистісного феномену доцільно виокремити комплекс активних методів і форм навчання (згідно класифікації активних діалогічних методів навчання, запропонованої Г. Д'яконовим, І. Добрянським), які дозволяють певною мірою моделювати умови майбутньої професійної діяльності: лекції-діалоги (лекція-дискусія, лекція з розглядом конкретних ситуацій, евристична бесіда); групові діалоги (діалог у колі, «запитання-відповіді», «круглий стіл»); рольові діалоги (інсценування, рольова взаємодія); ситуативне моделювання; брейн-стормінг; метод аналізу конкретних ситуацій; професійно-психологічний тренінг [5].

Формування у майбутніх офіцерів поліції професійно важливих якостей та необхідних професійних вмінь і навичок, як вказує О. Федоренко [8], вимагає створення в освітньому процесі певних вимог, які будуть мотивувати їх до самостійного та творчого застосування знань та вмінь в різних ситуаціях. Авторка довела, що здійснити це можливо за допомогою використання інтерактивних методів навчання (ділових ігор, тренінгу тощо), оскільки вони надають можливість здійснювати моделювання ситуацій навчання, наближати їх до реальної професійної діяльності.

Враховуючи накопичений досвід застосування інтерактивних методів та форм навчання, пропозиції та наукові напрацювання вчених, вважаємо для формування професійної відповідальності при проведенні навчальних занять доцільним використовувати такі види:

- ігри-описи: сутність даної гри проявляється в демонстрації курсантами засвоєних знань; проведення рольової гри даного типу можливе при розумінні продемонстрованої ситуації чи процесу;
- ігри-демонстрації направлені на демонстрування ефективної моделі рольової поведінки;
- ігри-тренування використовуються для формування і відпрацювання навичок професійної рольової поведінки;
- ігри-відображення полягають у відтворенні курсантами рольової поведінки у певних професійних ситуаціях;
- ігри-сенсibilізації спрямовані на підвищення чутливості курсантів, на емоційні переживання власних вчинків та вчинків оточуючих і усвідомлення почуттів та емоцій, які виникають у певних ситуаціях професійної взаємодії.

Також О. Федоренко зазначає, що ситуативне моделювання (або розв'язання ситуативних завдань), як активний метод навчання майбутніх офіцерів поліції, доцільно використовувати як на лекційних, так і на семінарських заняттях. Головними формами його використання є: ситуації-ілюстрації (проводяться під час викладання лекційного матеріалу для тлумачення певних теоретичних положень); ситуації-оцінки (аналіз і оцінка курсантами запропонованої викладачем контекстної ситуації); ситуації-вправи і ситуації-проблеми (аналіз ситуації і вибір варіанту її вирішення) [8].

Н. Волкова підкреслює, що реалізація інтерактивного підходу є ефективною у поєднанні із проблемним, зокрема із ситуативно-проблемною організацією освітнього процесу. Центральним поняттям ситуативно-проблемної організації освітнього

процесу є проблемна ситуація, яка розуміється як наявність і усвідомлення певного протиріччя (суперечності) у процесі або явищі, яке вивчається. На основі аналізу проблемна ситуація трансформується в проблемне завдання, вирішення якого вимагає пошуку способу пояснення і вирішення протиріччя. Тобто, проблемний метод навчання передбачає наступні кроки: проблемна ситуація, проблемне завдання, модель пошуку рішення, рішення. Вирішення проблемних ситуацій сприяє ефективному розвитку мислення, оскільки актуалізує різні способи розумових дій.

Як зазначає Н. Волкова, ситуативно-проблемна організація освітнього процесу передбачає створення навчальних ситуацій різного ступеня проблемності і різного контексту (соціального, професійного, конкретного рольового або функціонального). Основою такої організації є ситуативний підхід, суть якого полягає в тому, що пізнавана подія, обстановка аналізуються з погляду ситуацій, їх складових [1].

Ситуативне моделювання (або вирішення ситуативних завдань) як активний метод навчання майбутніх офіцерів поліції необхідно застосовувати і на теоретичних, і на практичних заняттях. Основними формами його реалізації є ситуації-ілюстрації (використовуються в ході викладення лекційного матеріалу з метою пояснення окремих теоретичних положень), ситуації-оцінки (аналіз і оцінка студентами описаної викладачем контекстної ситуації), ситуації-вправи і ситуації-проблеми (аналіз ситуації і вибір способу її вирішення), рольові ситуативні ігри.

Використання інтерактивних методів у процесі формування професійної відповідальності дозволяє поєднати навчальну діяльність (через необхідність самостійного застосування набутих знань у змодельованих ситуаціях та формування професійних вмінь та навичок у процесі «прогривання» ситуацій) з виховною, оскільки дозволяє набути досвіду колективної діяльності та сприяє розвитку у курсантів професійно важливих якостей особистості (інтелектуальних, комунікативних, емоційних, волевих та ін.) [2].

Задля формування у курсантів як майбутніх офіцерів поліції професійної відповідальності при застосуванні інтерактивних методів та форм навчання доцільно дотримуватися таких методичних принципів:

- ретельний вибір професійної та навчальної лексики, термінології, умовних понять та позначень;
- аналіз конкретних практичних прикладів та ситуацій, в яких курсанти будуть виконувати різні рольові функції;
- підтримка з усіма учасниками візуального контакту;
- виконання на кожному занятті одним із курсантів функції модератора (ведучого), який ініціює і координує обговорення певної проблеми або професійної ситуації; викладач за таких умов виступає у якості арбітра;
- застосування технічних засобів (мультимедійні презентації, слайди, відеоматеріали, сюжети фільмів тощо) та роздаткового дидактичного матеріалу (наприклад, зразок протоколу огляду місця

події, допиту, впізнання особи та ін.) з метою наближення навчання до реальних умов професійної діяльності;

- використання індивідуальних завдань (домашніх, контрольних, завдань для самодіагностики, творчих, тестових завдань та ін.);
- організація простору для інтерактивних занять, створення сприятливих умов для ігрової діяльності;
- розподіл та програвання ролей з урахуванням індивідуальних, вікових, творчих, інтелектуальних та інших особливостей курсантів;
- навчання прийняттю рішень в умовах регламентації часу, наявності проблемності, елементів невизначеності ситуації, недостатності або суперечливості інформації тощо;
- втручання викладача та внесення коректив у хід дискусії за умов виникнення труднощів, конфліктів серед учасників, а також з метою пояснення і уточнення ходу навчального заняття.

Використання інтерактивних методів та форм в освітньому процесі для формування професійної відповідальності у майбутніх офіцерів поліції передбачає таку організацію:

- вибір теми та питань, які мають проблемний характер;
- підготовка освітнього простору (спеціалізовані аудиторії, лабораторії та ін.) до проведення навчального заняття у формі діалогу, гри, тренінгу тощо;
- формування мотивації та інтересу курсантів, стимулювання їхньої готовності до взаємодії шляхом інформування про тему заняття, його основні завдання;
- створення (або добір) спеціальних (службових) ситуацій, завдань, які стимулюють до пошуку, інтеграції зусиль для вирішення обраних ситуацій;
- формулювання і дотримання правил співробітництва для всіх учасників освітнього процесу;
- використання прийомів спілкування і взаємодії, які спрямовані на створення позитивного психологічного клімату в колективі учасників (доброзичливий тон, конструктивна критика, тактовність, дотримання етики та ін.);
- визначення способу оцінювання процесу та результатів спільної діяльності;
- розвиток вмінь аналізу та самоаналізу результатів загальногрупової та міжособистісної взаємодії.

Застосування комплексу інтерактивних методів та форм навчання з метою формування професійної відповідальності дозволяє досягти таких результатів:

- усвідомлення курсантами соціальної важливості професії поліцейського, розвиток їхньої мотивації до сумлінного виконання професійних обов'язків;
- активне ставлення курсантів до засвоєння нового матеріалу, прагнення розібратися в сутності

питання, проблеми та вирішити її;

- розвиток аналітичного і критичного мислення, що позитивно впливає на формування професійного мислення в цілому;
- сформулювати та/або змінити певні думки, переконання, ставлення курсантів шляхом набуття нового досвіду під час взаємодії з іншими учасниками освітнього процесу;
- вдосконалення у курсантів комунікативних умінь та навичок соціальної взаємодії, роботи в команді;
- формування умінь та навичок самостійного пошуку інформації та роботи з нею, визначення рівня її достовірності;
- формування умінь і навичок володіння сучасними технічними засобами та технологіями обробки інформації.

Отже, використання інтерактивних методів і форм навчання має значний потенціал при формуванні професійної відповідальності як особистісного феномену. Їх використання дозволяє розвинути у майбутніх офіцерів поліції мотивацію професійної діяльності, набути міцних професійних знань, оволодіти вміннями здійснювати професійну діяльність, сформувати активну життєву позицію, прагнення сумлінно виконувати професійні обов'язки, що в цілому сприятиме ефективному здійсненню майбутніми офіцерами поліції професійної діяльності.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Волкова Н. П. Інтерактивні технології навчання у вищій школі: навч.-метод. посіб. Дніпро : Університет імені Альфреда Нобеля, 2018. 360 с.
2. Галай А.О., Стаднік В.В., Іваніш Я.В. Інтерактивні методики викладання у правопросвітній діяльності : Тренінговий комплекс : навч. посіб. / за ред. А.О. Галай. Київ : Атіка, 2007. 156 с.
3. Гузев В.В. Інтерактивные приёмы / Педагогическая техника в контексте образовательной технологии. Москва, 2001. С.21-52.
4. Інтерактивні методи, форми і средства обучения (методические рекомендации). URL: https://rostov.rpa-mu.ru/Media/rostov/Svedenia_ob_OO/Obrazovanie/metodicheskie_rekomendacii/interaktiv.pdf
5. Методика викладання психології у вищій школі: навч. посіб. / Ю. Ю. Бойко-Бузиль, С. Л. Горбенко, І. В. Кущенко та ін. Київ : Атіка, 2012. 272 с.
6. Нісімчук А. С., Падалка О. С., Шпак О. Т. Сучасні педагогічні технології: навч. посіб. Київ: Просвіта, 2000. 368 с.
7. Пометун О., Пирожено Л. Сучасний урок. Інтерактивні технології навчання: наук.-метод. посіб. Київ : Видавництво А.С.К., 2004. 192 с.
8. Федоренко О. І. Система підготовки майбутніх правоохоронців до соціальної та виховної роботи з підлітками: монографія. Харків: Нове слово, 2007. 330 с.

**CRITERIA, INDICATORS AND LEVELS OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE
OF FUTURE POLICE OFFICERS****Zadorozhna M.***graduate student of Kharkiv National
University of Internal Affairs,**investigator of the State Unitary Enterprise of the National Police in the Dnipropetrovsk region
Kryvyi Rih, Ukraine***КРИТЕРІЇ, ПОКАЗНИКИ І РІВНІ СФОРМОВАНOSTІ ПРОФЕСІЙНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ
МАЙБУТНІХ ДІЛЬНИЧНИХ ОФІЦЕРІВ ПОЛІЦІЇ****Задорожна М.***аспірантка Харківського національного
університету внутрішніх справ,**слідчий ГУ Національної поліції в Дніпропетровській області
Кривий Ріг, Україна***Abstract**

The provisions of the scientific article cover the criteria, indicators and levels of professional competence of future police officers. Theoretical analysis of the concept "criteria, indicators and levels of professional competence", "professional competence" is presented. The main content of each of the concepts is revealed. Emphasis is placed on the peculiarities of the formation of professional competence of future police officers in the process of studying professional disciplines.

Анотація

У положеннях наукової статті висвітлено критерії, показники та рівні сформованості професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції. Представлено теоретичний аналіз поняття «критерії, показники та рівні сформованості професійної компетентності», «професійна компетентність». Розкрито головний зміст кожного з понять. Акцентується увага на особливостях формування професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції у процесі вивчення фахових дисциплін.

На основі проведеного аналізу наукових досліджень, до критеріїв сформованості професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції нами виділено наступні критерії: когнітивний, комунікативний, операційний, особистісний.

Keywords: professional competence; formation criteria; district police officer; formation indicators; levels of formation, professional disciplines.

Ключові слова: професійна компетентність; критерії сформованості; дільничний офіцер поліції; показники сформованості; рівні сформованості, фахові дисципліни.

Інтеграція вітчизняної освіти до європейського освітнього простору передбачає вдосконалення та адаптацію виховного процесу, врахування критеріїв і стандартів вищої школи європейських країн. Натепер відсутні валідні методики оцінювання сформованості професійної компетентності майбутніх ДОП. Таким чином, використання у вищій школі апарату діагностування професійної компетентності, створеного з урахуванням специфіки професійної діяльності фахівця певної галузі, дозволить корегувати освітній процес й досягати високого рівня професійної компетентності.

Професійна діяльність поліцейського – широка галузь трудової діяльності, яка вимагає юридичних знань і навичок, необхідних для виконання своїх професійних функцій у сфері захисту прав і свобод громадян. Особливістю професійної діяльності майбутніх дільничних офіцерів поліції є виконання службових задач в складних (іноді – екстремальних) умовах, перебування у злочинному середовищі, затримання озброєних злочинців. Особливістю професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції є специфічні умови діяльності даної сфери, і виражається у високій правовій культурі

майбутнього працівника.

Дільничний офіцер поліції – це посадова особа органів Національної поліції, на яку покладено виконання завдань служби дільничних офіцерів поліції та яку наділено повноваженнями відповідно до законодавства. Професійну діяльність дільничних офіцерів поліції можна розглядати як сукупність здійснюваних ним функцій і видів робіт, спрямованих на боротьбу із злочинністю та правопорушеннями, забезпечення правопорядку на адміністративній дільниці за допомогою певних методів і засобів.

Метою статті є конкретизація критеріїв, показників та рівнів сформованості професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції.

Освіта є стратегічним ресурсом поліпшення добробуту людей, забезпечення національних інтересів, зміцнення авторитету і конкурентоспроможності держави на міжнародній арені [1, с.11]. Отже, фокус у підготовці майбутніх працівників Національної поліції повинен зміститися з процесу на результати та умови досягнення високого рівня професіоналізму.

Питання визначення критеріїв, показників та рівнів ефективності професійної діяльності розгля-

дали в своїх дослідженнях Л. Бурдейна, С. Гончаренко, Н. Замкова, Л. Криворучко, Н. Логутіна, С. Савченко, Т. Трегубенко, Н. Чабан, В. Черевко та інші. Проблемні питання професіоналізму та професійної компетентності вивчали Л.П. Алексєєва, О. Борисюк, М. Васильєва, Є. Климов, А. Маркова, Л. Петровська, Л. Пляк, Л.Пуховська, С.Сисоєва. Окремі питання професійної компетентності працівників органів Національної поліції розглядали Ю. Афанасьєв, О. Бандурка, О. Олексюк, В. Тюріна та інші.

Проте і натеper тема основних характеристик сформованості професійної компетентності є актуальною і не достатньо вивченою.

У контексті даної наукової роботи особливої актуальності набуває питання про визначення науково обґрунтованих критеріїв, показників та рівня сформованості професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції, оскільки важко оцінити їх кількісним вимірюванням.

Компетентність не можна виміряти, оскільки не існує індикатору, який би міг вказати на величину даної якості. Тому багато вчених вважають, що оцінити таку властивість курсанта (студента), як компетентність, можна за допомогою сукупності її показників.

В академічному словнику української мови поняття «критерій» визначено як підстава для оцінки, визначення або класифікації чогось; мірило [2, с.349].

С. Гончаренко у педагогічному словнику роз'яснює поняття критерій, як (від. гр. засіб, переконання, мірило – показники, що поєднують у собі методи розрахунку, теоретичну модель розподілу і правила прийняття рішень про правдоподібність нульової або однієї з альтернативних гіпотез)[3, с.351].

С. Савченко[4, с.43] характеризує критерій як ознаку, на основі якої здійснюється оцінка, визначення чогось; судження, оцінки якогось явища, а під показниками – ступінь її прояву, за яким можна судити про її сформованість і розвиток.

У дослідженні ми дійшли висновку, що критерій – це набір ознак та властивостей явища, процесу, діяльності, які дають змогу оцінити його стан, рівень розвитку та функціонування.

Вибір критеріїв, насамперед, має відповідати наступним вимогам: кількість критеріїв повинна бути не великою, але достатньою для визначення сформованості професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції; система критеріїв має бути взаємопов'язана із феноменом професійна компетентність, відображати найбільш суттєві ознаки процесу формування професійної компетентності та визначати його реальний прояв в умовах діяльності; кожен окремий критерій повинний бути чітким, надавати якісну і кількісну характеристику.

У дослідженні Т. Трегубенко [5, с.56], яка досліджувала формування професійної компетентності майбутніх офіцерів поліції у процесі фахової підготовки, виокремила мотиваційний, поведінковий і когнітивний критерії.

Л. Криворучко визначила такі критерії сформованості професійної придатності майбутніх праців-

ників органів внутрішніх справ до професійної діяльності: когнітивний, мотиваційний, вольовий, типологічний, регулятивний [6,102-105].

П. Яременко визначив такі критерії сформованості професійної компетентності у майбутніх дільничних офіцерів поліції як-от, мотиваційний, фаховий, комунікативний та рефлексивний. Мотиваційний – наявність інтересу та здатність до професійної діяльності; усвідомлене бажання майбутніх працівників досягти успіхів у професійній підготовці. Фаховий – професійні знання майбутніх працівників, практичні уміння, навички та досвід, що забезпечують ефективне виконання професійної діяльності; здатність швидко приймати рішення та нести за них відповідальність; спроможність до професійного саморозвитку. Рефлексивний – здатність до самореалізації та самовдосконалення.

На основі проведеного аналізу наукових досліджень, вважаємо, що критеріями сформованості фахової компетентності майбутніх офіцерів поліції можна визначити: когнітивний, комунікативний, операційний, особистісний.

Когнітивний критерій – характеризує володіння системою загальнонаукових, психологічних, соціально-педагогічних та інших спеціально-професійних знань, які необхідні майбутньому дільничному офіцеру поліції для реалізації професійних функцій при виконанні службових обов'язків.

Даний критерій характеризує розвиток професійного мислення майбутніх дільничних офіцерів поліції; знання нормативної бази, здатність до засвоєння знань та умінь, здобутих у процесі вивчення фахових дисциплін; уміння вирішувати типові та нестандартні професійні завдання та діяти в нестандартних ситуаціях. Показниками когнітивного критерію є засвоєння теоретичних і практичних знань, умінь та навичок. Методами діагностики когнітивного критерію є поточний та підсумковий контроль навчальної успішності, анкетування, спостереження, бесіда, тестування, експертна оцінка.

Комунікативний критерій – дозволяє визначити рівень сформованості у майбутніх дільничних офіцерів поліції вмінь здійснювати професійне спілкування, тобто ефективну взаємодію з різними категоріями осіб, здатність створити майбутніми правоохоронцями такої психологічної атмосфери, яка є найбільш сприятлива у тій чи іншій обстановці. Професійна діяльність поліцейських безпосередньо пов'язана з комунікацією. Показниками комунікативного критерію є уміння адекватно застосовувати прийоми рефлексивного і нерефлексивного слухання, уміння ставити питання; уміння психологічно стимулювати комунікативну активність партнерів; уміння психологічно правильно, ситуативно обумовлено, відповідно до субординації вступати у спілкування; уміння вирівнювати емоційне напруження у бесіді, долаючи психологічні бар'єри у спілкуванні; уміння сприйняти і зрозуміти те, що співрозмовник навімисно намагається приховати уміння обирати стиль спілкування відповідно до ситуації, прогнозувати реакції партнерів на власні комунікативні дії; уміння висловлюватися логічно і цілісно.

Операційний критерій – даний критерій характеризує володіння майбутнім фахівцем різними професійними діями, уміннями і навичками професійної діяльності. Даний критерій включає дозволяє визначити високий рівень фізичної та вогневої підготовки, уміння складати процесуальні документи, стійку психологічну готовність до виконання службових завдань, вміння аналізувати ситуацію та приймати швидкі, але правильні рішення. Накопичення майбутнім дільничним офіцером поліції практичного досвіду та формування у нього практичних умінь і навичок є необхідною умовою формування професійної компетентності, оскільки її розвиток відбувається при аналізі особистої діяльності, вчинків, поведінки. Операційний критерій характеризується вмінням майбутнього офіцера інтегрувати набуті вміння, знання та навички в обраній професії для ефективного виконання поставлених перед ним задач.

Показниками операційного критерію є уміння застосовувати знання при вирішенні ситуацій професійного змісту, спостереження.

Особистісний критерій – передбачає визначення сформованості професійно важливих якостей особистості та мотивації професійної діяльності, які впливають на якість виконання та результат професійної діяльності. Показниками цього критерію є рівень сформованості професійно важливих якостей, а саме відповідальність, дисциплінованість, пунктуальність, доброзичливість, уміння професійно мислити, гнучкість мислення, спостережливість, витриманість, врівноваженість; усвідомлення значущості своєї діяльності; прагнення до підвищення професійної компетентності, самореалізації та саморозвитку. Оцінка професійно важливих якостей майбутніх дільничних офіцерів поліції визначає ступінь сформованості професійної компетентності: це готовність до виконання професійних завдань, прогнозування майбутнього застосування необхідних їм навичок та здібностей, використання тактично-спеціальних навичок, здатності реалізовувати отриманні знання та вміння, які необхідні в процесі професійної діяльності. Засобами діагностики виступають спостереження, анкетування, самозвіти, експертна оцінка, психологічне тестування.

Зазначені критерії та показники сформованості професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції ґрунтуються на основних засадах

системного підходу та структурно поділяються на три умовні групи: критерії й показники умов, процесу та результативності, що дає можливість аналізувати сформованість професійної компетентності майбутніх дільничних офіцерів поліції одночасно як процес, так і як результат.

Таким чином, можна стверджувати, що обрані нами критерії сприятимуть визначенню сформованості професійної компетентності майбутніх офіцерів поліції та проаналізувати їх професійну готовність до обраної професії. Отже, головною метою вищої школи сьогодення має бути підготовка офіцерів поліції, не лише як юристів, а й як особистостей, професіоналів. Необхідно наголосити, що специфікою їх професійної діяльності є виконання службових задач в екстремальних умовах, перебування у злочинному середовищі, затримання озброєних злочинців, що в свою чергу потребує сформованості теоретичних та практичних умінь та навичок. Вважаємо, що необхідно створювати в сучасному освітньому процесі умови, які б сприяли формуванню у майбутніх офіцерів поліції професійної компетентності ще під час навчання у закладі освіти із специфічними умовами навчання.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Національна доктрина розвитку освіти України у 21 столітті. Освіта України. Загальні положення від 17.04.2002 р.
2. Академічний словник української мови. Нова редакція. Том 4, 2018.
3. Гончаренко С.У. Український педагогічний словник. Київ, 1997.
4. Савченко С.В. Науково-теоретичні засади соціалізації студентської молоді у поза навчальній діяльності в умовах регіонального освітнього простору/автореф. дис. ... доктора пед. наук: спец. 13.00.05. Луганськ, 2004.
5. Трегубенко Т.В. Формування професійної компетентності майбутніх дільничних інспекторів міліції у процесі фахової підготовки/автореф. дис. ... канд. пед. наук : спец. 13.00.04. Хмельницький, 2011.
6. Криворучко Л. С. Удосконалення професійної підготовки працівників ОВС до дій в екстремальних умовах. *Наше право*. 2005. № 4.

CONCEPT AND ESSENCE OF THE QUALITY OF ACTIVITIES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS**Mirzagitova A.***PhD in Pedagogy,**Senior Lecturer of Department of Private and Public Law
of Yelabuga Institute of Kazan Federal University, Yelabuga City***ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КАЧЕСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ****Мирзагитова А.Л.***кандидат педагогических наук,**Старший преподаватель кафедры частного и публичного права Елабужского института К(П)ФУ,
г. Елабуга***Abstract**

In the article are actualized the problems of assessing the quality of additional education for children. Despite the fact that additional education is still directly not regulated by the Federal State Educational Standard, the general trend of increasing requirements for the quality of the activities of educational organizations has also affected additional education. This requires revising the criteria for assessing the quality of additional education for children.

Аннотация

В статье актуализированы проблемы оценки качества дополнительного образования детей. Несмотря на то, что дополнительное образование до сих пор напрямую не регламентировано ФГОС, общая тенденция повышения требований к качеству деятельности образовательных организаций затронула и дополнительное образование. Это требует пересмотра критериев оценки качества дополнительного образования детей.

Keywords: additional education quality of education, assessment of the quality of additional education, educational organization of additional education.

Ключевые слова: дополнительное образование, качество образования, оценка качества дополнительного образования, образовательная организация дополнительного образования.

Действующие стандарты образования, также, как и другие фундаментальные документы в сфере образования (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", «Концепция развития дополнительного образования детей») приняты с целью повышения качества образования с учетом меняющихся запросов общества и социально-экономических условий [1].

ФГОС является преемником целого комплекса идей, сформулированных с разной степенью полноты в предшествующих проектах образовательных стандартов. Его новизна заключается в том, что образование рассматривается в качестве важнейшей социальной деятельности общества, направленной на формирование российской идентичности как неотъемлемого условия укрепления российской государственности [2].

Важным нововведением ФГОС (в рамках нашего исследования) является то, что на федеральном уровне закрепляется значимость деятельности школьников, организуемой за рамками уроков. При этом подчеркивается важность занятий по интересам, отвечающих потребностям учащихся разных возрастов, потребностей, возможностей здоровья. Отметим, что действующий закон об образовании дает формулировку нового для законодательства,

но вполне понятного для всех явления, как непрерывное образование. Одним из основных инструментов, позволяющих реализовать непрерывность образования является дополнительное образование. Однако, сегодня организации дополнительного образования остаются в стороне от прямого регулирования образовательными стандартами, и регулируются по аналогии с общим образованием. Эта ситуация создает ряд моментов, которые необходимо учитывать при оценке качества деятельности организации дополнительного образования.

Во-первых, необходимо «развести» внеурочную деятельность и дополнительное образование детей, так как, имея много общего, эти две сферы обладают и значительными различиями.

Общими характеристиками внеурочной деятельности и дополнительного образования школьников являются:

– время – внеурочная деятельность и дополнительное образование реализуются до или после учебных занятий и основных учебных программ;

– форма – внеурочная деятельность и дополнительное образование реализуются в форме кружков, секций, клубов и др.;

– связь с учебным процессом и социально-культурной деятельностью школы.

Внеурочную деятельность и дополнительное образование различают следующими аспектами:

– основная организационная «единица» внеурочной деятельности – класс или группа одноклассников; «единица» дополнительного образования детей – творческий коллектив, спортивная команда и др., состоящие из детей и подростков разных классов и возрастов;

– педагогические кадры – внеурочную деятельность осуществляют в основном классные руководители, педагоги – организаторы; занятия в творческих, спортивных объединениях ведут педагоги дополнительного образования;

– внеурочная деятельность ориентирована на школьников (обучающихся), а дополнительное образование – на детей, что является наиболее принципиальным отличием сравниваемых сфер. В первом случае остается взаимодействие между учителем и учеником, а во втором – между педагогом (мастером, тренером) и ребенком [5, 97].

Совершенно очевидным является то, что исключительно силами организаций общего образования найти возможность для общения с детьми вне привычных классных стен, мало вероятно. Учителя не могут в полной мере заменить педагогов дополнительного образования, даже если они пройдут специальную переподготовку, (а для этого требуются значительные ресурсы временные, финансовые). Наиболее сложным является необходимость решения слишком большого числа задач в качестве педагога-предметника + классного руководителя + педагога дополнительного образования. Тем более, что объединение в системе дополнительного образования детей – это не просто занятия кружка по предмету, который ведет учитель.

Дополнительные образовательные программы нового поколения требуют от педагогов решения весьма сложных задач, ориентированных на подготовку детей и подростков к углубленному освоению художественного и технического творчества, различных спортивных дисциплин, декоративно-прикладного искусства и др. видов деятельности, число которых весьма велико [5, 102].

Значимость дополнительного образования, даже если оно до сих пор напрямую не регламентировано ФГОС, повышает требования к качеству деятельности образовательных организаций дополнительного образования.

Согласно ФЗ «Об образовании в РФ» качество образования – это комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы [1].

Отметим, что, считая организацию дополнительного образования субъектом оказания образовательных услуг, необходимо учитывать следующие аспекты качества образования:

■ содержание образовательной деятельности в соответствии с запросами потребителей образовательных услуг и требованиям ФГОС;

■ систему обеспечения качества образования.

Первый аспект означает необходимость мониторинга результатов образовательного процесса в рамках системы управления образовательной организации [3]. Второй же аспект подразумевает, что качество результатов определяется качеством процессов и ресурсов образовательной организации, так что нужен мониторинг непосредственно самих образовательных процессов [3]. И если раньше в образовании большее внимание уделяли мониторингу результатов образовательной деятельности (первый аспект), то сейчас акцент сместился на мониторинг качества процессов и ресурсов образовательной организации (второй аспект) [4].

Исследование показало, что понятие «качество деятельности образовательной организации» включает в себя несколько уровней.

Первый уровень составляет нормативное регулирование деятельности образовательной организации. В этом смысле важным является оценка достаточности и полноты нормативного регулирования, однозначность, соответствие действующему законодательству и др. аспекты.

Второй уровень – оценка качества педагогических и административных ресурсов (соответствие кадров предъявляемым требованиям, квалификация, потенциал кадров).

Третий уровень – качество администрирования. Здесь необходимо учитывать сложность работы всей системы управления, оптимальная достаточность административной составляющей, точное и эффективное распределение ресурсов, культура управления и др.).

Четвертый уровень – качество образовательной деятельности (образовательные технологии, эффективность деятельности, разнообразие форм, методов организации образовательной деятельности, управление мотивацией учащихся и педагогов).

Пятый уровень – обеспечение образования. Здесь подразумевается материальная, финансовая, информационная, кадровая обеспеченность. Только полноценно, достаточно укомплектованная всеми необходимыми ресурсами образовательная организация способна оказывать качественные образовательные услуги.

Таким образом, все эти пять уровней характеризуют деятельность образовательной организации с точки зрения степени вовлеченности всех участников в образовательную деятельность, их мотивации; достаточности и эффективности деятельности каждого элемента системы образовательной организации, нормативность их деятельности; внутреннего и внешнего потенциала на развитие образовательной системы образовательной организации.

Отсутствие единого понимания понятия «качество образовательной деятельности образовательной организации дополнительного образования»

создало ситуацию, в которой образовательные организации самостоятельно формулируют критерии, по которым оценивается качество их деятельности. Так, различные образовательные организации дополнительного образования выносят на оценку разные, порой не сопоставимые критерии, что не дает возможности полноценно сравнивать похожие субъекты образовательной деятельности. Более того, эта ситуация позволяет скрыть те аспекты деятельности, которые являются слабой стороной образовательной организации.

Еще одной сложностью в универсализации оценки качества образовательной деятельности образовательной организации является отсутствие единого подхода в понимании субъектов мониторинга. В традициях отечественной системы образования педагоги – единственные полноправные субъекты, определяющие качество на основе оценок объема полученных знаний и умений. Учащиеся так и не являются полноправными субъектами мониторинговой деятельности и фактически отстранены от процедур оценки качества образовательной деятельности в своих образовательных организациях. С правовой точки зрения это объяснимо. Однако образовательная деятельность отличается от правовой тем, что ее субъектом являются и несовершеннолетние лица. Соответственно, они должны быть и полноценными субъектами мониторинговой деятельности в сфере образования. Существенное значение здесь придается информированию всех участников образовательной деятельности о результатах мониторинга, анализу этих результатов в коллективах методических объединений, групп, информированию педагогического сообщества школы об управленческих решениях. Так, результаты изучения ожиданий учащихся, их родителей и преподавателей по различным аспектам жизнедеятельности образовательной организации позволили бы обосновать необходимые коррективы в организации образовательной

деятельности организации дополнительного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 08.10.2020)
2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 года N 1897 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс]: URL:<http://base.garant.ru/55170507/> (дата обращения: 05.10.2020)
3. Государственный стандарт Российской Федерации ИСО 9000-2001 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (с Изменением N 1) [Электронный ресурс] URL:<http://docs.cntd.ru/document/1200015260> (дата обращения: 05.10.2020)
4. Гринкруг Л.С., Фишман Б.Е., Мусовской И.В. Проективная методика оценки качества образовательной деятельности вуза / Л.С. Гринкруг, Б.Е. Фишман, И.В. Мусовский. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2007. – 34 с.
5. Евладова Е. Б., Мирошкина М. Р. Возможности усиления воспитательного потенциала внеурочной деятельности в контексте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г. и ФГОС второго поколения // Внеурочная деятельность обучающихся в условиях реализации Стратегии развития воспитания в Российской Федерации: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. В. Кислякова, А. В. Щербакова. Челябинск: ЧИППКРО, 2016. – 440 с.

PHILOLOGICAL SCIENCES

BRIEF OVERVIEW OF THE RUSSIAN-YAKUTSK DICTIONARY N.N. PAVLOVA, I. N. POPOVA (1948; 1949)

Akimova A.

Candidate of Philological Sciences (Ph.D), Researcher of the Yakut language Department, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS. Yakutsk, Russia

КРАТКИЙ ОБЗОР «РУССКО-ЯКУТСКОГО СЛОВАРЯ» Н.Н. ПАВЛОВА, И.Н. ПОПОВА (1948; 1949 гг.)

Акимова А.С.

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Abstract

The article discusses the techniques and methods of transferring Russian word-terms into the Yakut language on the example of the "Russian-Yakut dictionary" published in 1948 and 1949. The structure of the dictionary is described in detail. The main thing in Russian-national dictionaries is the disclosure of the meanings of each head-word by means of the native language, and this is not an easy task. Because each word is multifaceted, which can express in the context the most varied shades and nuances of meanings, which is especially vivid when comparing different languages with each other. In the "Russian-Yakut Dictionary", the translation method is mainly used to convey the meanings of Russian words. For the complete lexical, semantic and stylistic characteristics of Russian words, as shown, the wealth of nominative, synonymous, phraseological and stylistic means of the Yakut language has been used quite successfully.

Аннотация

В статье рассмотрены приемы и методы передачи русских слов-терминов в якутский язык на примере «Русско-якутского словаря» изданного в 1948 и 1949 гг. Подробно описана структура словаря. Главным в русско-национальных словарях является раскрытие значений каждого заглавного слова средствами родного языка, а задача эта не из легких. Потому что каждое слово многогранно, что способно выразить в контексте самые различные оттенки и нюансы значений, что особенно ярко выступает при сопоставлении разных языков друг с другом. В «Русско-якутском словаре» для передачи значений русских слов в основном использован метод перевода. Для полной лексической, смысловой и стилистической характеристики русских слов, как показано, достаточно удачно использовано богатство номинативных, синонимических, фразеологических и стилистических средств якутского языка.

Keywords: Yakut language, Russian language, borrowings, dictionary, translation.

Ключевые слова: якутский язык, русский язык, заимствования, словарь, перевод.

Первым значительным по объему и качеству с учетом основных лексикографических требований является общефилологический «Русско-якутский словарь» составленный Н.Н. Павловым и И.Н. Поповым в двух выпусках, который был издан в 1948, 1949 гг. Два выпуска словаря содержат более 20 000 слов и выражений. В них предпринята попытка семантического расчленения значения полисемантических русских слов с дифференциацией их основных, производных, переносных и иных значений. В словаре проводится, хотя не всегда последовательно, разграничение терминологической и разговорной лексики от общеупотребительных норм литературного языка с помощью специальных помет.

Словарь имеет следующую структуру: предисловие «От Издательства», список сокращений, собственно словарь и список использованной литературы. Предисловие «От Издательства» представляет собой обращение к пользователю: «Ранее вышедшие переводные словари, небольшие по объему лексического материала, не смогут сейчас удовлетворить растущие потребности. Потому возникла

необходимость в создании данного словаря в качестве практического справочника для литературных работников, учителей и т.д.». Данный словарь, как первый опыт, возможно, не лишен ряда недостатков. Поэтому Издательство просит всех лиц, которые будут пользоваться им, указать на его недостатки, что будет учтено при переиздании» [3, с. 4].

После предисловия «От Издательства» идет список сокращений, состоящий из 56 отраслей науки и техники, слова-термины которых зафиксированы в словаре. Туда вошли: агрономия, анатомия, биология, ботаника, бухгалтерия, ветеринария, география, грамматика, дореволюционные понятия, зоология, история, кулинария, лингвистика, литературоведение, математика, медицина, метеорология, музыка, переносные смыслы, политические термины, разговорный язык, религия, рыболовные термины, спортивные выражения, существительные, сельское хозяйство, техника, физика, физиология, философия, фольклор, химия и юридические термины. Кроме широкоупотребительных

слов-терминов в словаре еще зафиксированы термины, обозначающие специальные понятия по авиации, архитектуре, астрономии, военному делу, геодезии, геологии, железнодорожному делу, минералогии, мифологии, морским терминам, терминам относящихся к радиотехнике, сокращениям, театральным выражениям, текстильной промышленности, типографским терминам, устаревшим выражениям, фармакологии, фотографии, шахматным терминам, экономии, электричеству. Более того идиоматические выражения и примеры, которые не подходят ни под одно их значений, обозначены в словаре знаком ☼.

После списка сокращений следует словник словаря, где заглавные вокабулы снабжены эквивалентами или кальками. Словник организован в алфавитном порядке начиная от буквы А до Н (вып. 1. 1948 г.) и от О до Я (вып. 2. 1949 г.).

Следует отметить, что главным в русско-национальных словарях является раскрытие значений каждого заглавного слова средствами родного языка, а задача эта не из легких. Потому что каждое слово многогранно, что способно выразить в контексте самые различные оттенки и нюансы значений, что особенно ярко выступает при сопоставлении разных языков друг с другом.

Авторы словаря успешно использовали методику и приемы подбора лексики в национально-русских и русско-национальных словарях среднего объема. Как пишет, П.А. Слепцов «Достоинством словаря является наличие синонимических рядов для выражения значения одного и того же русского слова» [4, с. 219]. Такое толкование нельзя отнести к ряду недостатков словаря. Оно исходит из стремления возможно полнее и точнее передать смысл русских слов и показывает более высокую степень лексикографической обработки словарного материала, типа: *вялый* - 'мөлтөх', 'уккуран', 'салба', 'сыылба', 'улук', 'уку', 'нукаай', 'мөдөөт', 'соробой', 'агаары', 'агаархай'; *оборонный* - 'көмүскэл', 'көмүскэний', 'көмүскэнэр', 'харыстанар', 'оборуона'; *образ* - 'дьүһүн', 'сэбэрэ', 'киэп', 'мөрсүөн', 'быһы', 'майгы', 'куом' и др., что позволяло выбирать наиболее подходящий вариант в зависимости от жанрово-стилистических особенностей переводимых текстов. Еще к достоинству работы можно отнести то, что в ней представлена якутская народная терминологическая лексика, которую в рамках русско-якутского словаря подобного объема обычно совершенно не удается отразить. Например: *житель* - 'олохтоох, киһи, ыал'; *городской житель* 'куорат киһитэ'; *жители* 'дьон, ыал'; *сельские жители* 'тыа дьоно, тыа олохтоохторо'; *долинные жители* 'дойду дьоно'; *горные жители* 'хайа дьоно'; *лесные жители* 'тыа дьоно'; *городские жители* 'куорат дьоно' [2, с. 177]. *Узел* - 'түмүк', 'баайы', 'туомтааһын', 'бохсуу', 'тутаах', 'суу', 'суулаах', 'силбэһи', 'холбоһуу', 'сүһүөх' [3, с. 227]. *Последний* - 'тиһэх', 'сыбарым', 'уһук', 'кэнники', 'баара суоҕа', 'бэстилиэнэй', 'тиһэх', 'саһа', 'саамай саһа', 'куһаҕан', 'мөкү' [3, с. 90]. Как видно из вышеприведенных примеров, авторы словаря не избегают русизмов,

тем не менее, прослеживается явная тенденция перевести все, что возможно.

Однако стремление к максимальному привлечению синонимов при отсутствии стилистической дифференциации слов-терминов приводит, к противоречиям с понятиями нормы и принципами нормализации лексики якутского языка. Многие, даже общепринятые научные слова-термины снабжены несколькими синонимическими вариантами, что в свою очередь приводит к вариативности перевода и тем самым затрудняет работу переводчика. Тем не менее, следует отметить, что авторы проявили себя большими знатоками народной терминологической и фразеологической лексики, что легко прослеживается по всему корпусу словаря. В этом мы усматриваем продолжение традиции «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского. Обычно считается, что при наличии русского словника (заголовочного слова) невозможно отразить оригинальную народную терминологию. В противовес подобным утверждениям авторы смогли включить в правую часть словарных статей традиционные термины в гнездовом порядке. Например, *жир* 'сыа'; *рыбий жир* 'балык арыыта, балык сыата'; *жир нутряной* 'сым'; *надбрюшной жир у человека и у животных* 'хаһа'; *подкожный жир у животных* 'тас'; *хребтовый жир у лошадей* 'саал'; *околосердечный жир* 'үргүннэх'; *жир в боках (снаружи)* 'таман'; *паховый жир у скота* 'бырта'; *кишечный жир у животных* 'ача'; *жир в супе* 'хоргун'. В связи с тем, что объектным словом, подлежащим метаязыковому определению, является русское слово, данный лексикографический прием не был поддержан в последующих русско-якутских словарях.

Далее рассмотрим приемы и методы с помощью которых русские слова переданы на якутский язык.

Многим заглавным словам даны дублетные переводы. Например, *обреченный* - 'сатаммат аналлаах', 'өлөргө аналлаах', 'эстэргэ аналлаах', 'мунур муннаах'; *одновременный* - 'биир тэн', 'биир кэмнэ', 'биир бириэмэбэ'; *однозначный* - 'атылыы суолталаах', 'соҕотох суолталаах', 'биир сыһыспаралаах'; *описка* - 'суруйуу албаһа', 'сурук албаһа' и др.

Заглавные слова переводятся на якутский язык с помощью идеографических синонимов. Перевод смысловыми синонимами, состоящими из разнокороенных слов: *пережат* 'харгы, чаар'; *петь* 'ыллыы, туой'; *пуск* 'ыйылыы, чыыбыргыы, ньяабыныы, ньарылыы'; *пласт* 'арана, дыапталба'; *побелить* 'туртат, манхат'; *плавка* 'уулларыы, уһаарыы'; *пересилить* 'тулуй, аһар' и др.

Передача понятийными синонимами из обаяченного русского заимствования и якутского эквивалента типа: *пайщик* 'баайсык, кыттыгастаах'; *опись* 'уопус, испийһэк'; *общий* 'уопсай, бүтүүн'; *оклад* 'акалат, хамнас'; опека 'эппиэкэ, көрүү-исти'; смола 'сымала, дабархай'; узор 'оһуор, ойуу'; сват 'сыбаат, суорумһуу' и др.

Перевод якутским эквивалентом и словосочетанием перифрастического оборота типа: *простуда* 'тымныйыы, тымныйан ыалдыы';

странник 'айанньыт, айан киһитэ'; *тайга* 'тайҕа, халыҥ тыа'; *экономика* 'кэмчилээһин, кэмчилээн туттуу'; *дорого* 'ыраханньык, ырахан сыанаҕа'; *ежедневно* 'күннэтэ, күн айыы' и др.

Положительной стороной синонимического метода определения является и то, что читатель будучи поставленным перед необходимостью выбора наиболее точного эквивалента, сам находит его, как правило, верно, исходя из контекста.

Как пишет, Е.И. Оконешников «Лексикографический анализ русско-якутских словарей показывает несостоятельность попытки приспособить двуязычный словарь для удовлетворения потребностей носителей обоих языков» [1, с. 7].

В «Русско-якутском словаре» для передачи значений русских слов в основном использован метод перевода. Для полной лексической, смысловой и стилистической характеристики русских слов, как показано, достаточно удачно использовано богатство номинативных, синонимических, фразеологических и стилистических средств якутского языка. Как пишет, Е.И. Оконешников «детальная разработка в русско-национальных словарях значений слова, как известно, приобретает особую важность для всестороннего развертывания внутренних ресурсов национальных языков. В этом отношении трудно переоценить ту роль, которую сыграл данный словарь в освоении и кодификации слов и терминов как из русского языка, так и из собственных

ресурсов якутского языка» [1, с. 44]. Об этом частично свидетельствуют примеры, приведенные в данной статье.

Приведенный маленький экскурс вполне подтверждает мысль о том, что составитель двуязычных словарей по возможности должен давать переводы. В тех случаях, когда невозможны реальные переводы, следует максимально приблизить толкование к переводу с привлечением всевозможных условных средств лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Оконешников Е.И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии (сб. науч. ст.) / Е. И. Оконешников [сост.: к.филол.н. А.С. Акимов, лаб. Р.Н. Протодяконова; отв. ред.: д.филол.н. Н.И. Данилова, к.филол.н. Ф.Н. Дьячковский, к.филол.н. А.М. Николаева]; Ин-т гуманитар.исслед. и проблем малочисл. Народов Севера СО РАН. – Якутск: ИГи-ПМНС СО РАН, 2015. – 210 с.
2. Павлов П.Н., Попов И.Н. Русско-якутский словарь. – Вып. 1. Буквы А-Н. – Якутск, 1948. – 316с.
3. Павлов П. Н., Попов И. Н. Русско-якутский словарь. – Вып. 2. Буквы О-Я. – Якутск, 1949. – 365с.
4. Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч.ст.). – Якутск: ИГи-ПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.

FAILURE TO COMPLY WITH THE FORM AND CONDITIONS FOR CONCLUDING A MARRIAGE CONTRACT AS ONE OF THE GROUNDS FOR ITS INVALIDITY

Beglyarova A.,

Adyghe State University, branch in Belorechensk, Associate Professor of Legal Disciplines Department, Candidate of Philological Sciences;

Beshykova F.,

Adyghe State University, branch in Belorechensk. Senior Lecturer of Legal Disciplines Department

Larina O.,

Adyghe State University, branch in Belorechensk. Senior Lecturer of Legal Disciplines Department

Sherbinina N.

Adyghe State University, branch in Belorechensk. Senior Lecturer of Legal Disciplines Department

НЕСОБЛЮДЕНИЕ ФОРМЫ И УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ЕГО НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Беглярова А.Л.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры правовых дисциплин филиала АГУ в г.Белореченске

Бешукова Ф.К.,

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин филиала АГУ в г.Белореченске

Ларина О.В.,

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин филиала АГУ в г.Белореченске

Щербинина Н.С.

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин филиала АГУ в г.Белореченске

Abstract

This topic is currently quite relevant and timely, since now more and more often there are disputes regarding joint property, namely, a competently drawn up marriage contract is the document that solves situations when the former spouses are no longer united by anything other than undivided property. In the modern mechanism of legal regulation of family relations, a significant role is played by a variety of contracts and agreements concluded by family members among themselves. A noticeable phenomenon in the ordering of property relations between

spouses is becoming a marriage contract. The growth in the number of concluded marriage contracts indicates the relevance of the development of legal problems arising in the process of implementing the relevant rules.

Аннотация

Данная тема в настоящее время является достаточно актуальной и своевременной, так как сейчас всё чаще происходят споры относительно совместного имущества, а именно грамотно составленный брачный договор и является тем документом, который решает ситуации, когда бывших супругов уже ничего не объединяет кроме не поделенного имущества. В современном механизме правового регулирования семейных отношений существенную роль играют разнообразные договоры и соглашения, заключаемые членами семьи между собой. Заметным явлением в упорядочении имущественных отношений супругов становится брачный договор. Рост числа заключаемых брачных договоров говорит об актуальности разработки правовых проблем, возникающих в процессе реализации соответствующих норм.

Keywords: marriage contract, spouses and former spouses, property rights and obligations of spouses in marriage and (or) in case of its termination, form and content, invalidity of the marriage contract.

Ключевые слова: брачный договор, супруги и бывшие супруги, имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения, форма и содержание, недействительность брачного договора.

Брачный договор является достаточно новым веянием в России и можно с большой степенью уверенности сказать, что на первых порах брачный договор не получил широкого распространения в нашей стране. В процессе формирования этого института семейного права у граждан, желающих заключить такой договор, возникают многочисленные вопросы, касающиеся порядка заключения, правил оформления. Надо отметить, что за границей, в отличие от нашей страны, брачный контракт давно стал нормой, обеспечивающей цивилизованные отношения, и заключение брачных контрактов является обычным делом, особенно при заключении повторных браков. Малая распространенность брачного договора в России во многом связана с низкой информированностью населения о его существовании и функциях.

Брачный договор относится к сделкам строго личного характера, следовательно, он не может быть заключен ни законным представителем лица, вступающего в брак, или супруга, ни по доверенности представителя (доверенным лицом).

Заключение брачного договора - это право, а не обязанность лиц, вступающих в брак, и супругов. Брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака. Однако брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу с момента государственной регистрации заключения брака. При этом ограничений во времени, связанных с установлением какого-либо предельного срока от момента заключения брачного договора до момента государственной регистрации заключения брака, закон не предусматривает. Таким образом, брачный договор может вступить в силу через любой (даже достаточно длительный) период времени после его заключения. Важно, чтобы состоялась государственная регистрация заключения брака между сторонами, заключившими брачный договор. И напротив, если, несмотря на заключение брачного договора, государственная регистрация брака так и не состоялась, то такой договор не

имеет юридической силы и не порождает никаких правовых последствий.

Брачный договор можно отнести к одной из разновидностей гражданско-правовых договоров, поэтому брачный договор должен отвечать тем требованиям, которые Гражданский кодекс предъявляет к гражданско-правовым договорам (дееспособность сторон, их свободное волеизъявление, законность, содержание договора, соблюдение установленной формы)¹.

В Семейном кодексе РФ устанавливаются лишь условия заключения, внесение изменений и расторжение брачного договора.

Такой автор как Л.Б. Максимович наиболее комплексно исследует данную тему, считая что суть подобного договора состоит в предоставлении супругам возможности отступить от того режима супружеского имущества, который предусмотрен в законодательстве, а значит «брачный договор» это тот документ, который достаточно популярен уже сейчас и будет развиваться в дальнейшем².

Соответственно, поскольку брачный договор является разновидностью гражданско-правового договора, то к нему могут быть применимы и все условия, касающиеся недействительности сделок.

Рассмотрим условия, которые необходимо соблюсти и при которых договор считается действительным:

- Все пункты договора должны основываться на законодательстве. Соглашения супругов, которые регламентируют личные неимущественные отношения, не допускаются.
- Брачный договор должен быть заверен нотариусом.
- Оба партнера должны быть дееспособными и правоспособными.
- Соглашение должно составляться и подписываться по доброй воле обоих супругов, то есть документ не может подписываться под принуждением.

Кроме этих условий, если в договоре изменяется право на имущество, то соответствующее

¹ Абашин Э.Л. Брачный договор / Э.Л. Абашин. – М.: Форум-Инфра-М, 2005.

² Максимович Л.Б. Брачный контракт / Л.Б. Максимович. – М.: Дрофа-Плюс, 2004.

право подлежит государственной регистрации в учреждении юстиции по регистрации прав по месту нахождения недвижимого имущества. Например, если супруг отказывается от имущества в пользу супруги, то у нее право собственности возникает с момента регистрации.

Если проигнорировать хоть одно из вышеупомянутых условий, то брачный договор может быть признан недействительным.

Существует два вида недействительности гражданско-правовой сделки – оспоримый и ничтожный.

По общему правилу, при признании недействительности брака, признается недействительным брачный договор. Но как показывает практика, в интересах добросовестной стороны, суд может признать договор действительным и полностью или частично оставить в силе договоренность.

Брачный договор может быть признан недействительным (ничтожной сделкой) в том случае, когда:

- Имеют место нарушения законодательства семейного права.
- При оформлении договора отсутствует заверение от нотариуса.
- Договор заключается для прикрытия другой сделки.
- Брачный договор заключается на основе фиктивного брака.
- Лицо, с которым заключен брачный договор признано частично или полностью недееспособным.

Брачный договор может быть признан недействительным (оспоримой сделкой) в следующих случаях:

- Оформление договора сопровождалось введением в заблуждение одну из сторон (например, путём обмана).
- Договор подписан путем насилия, запугивания или угроз по отношению к одной из сторон.
- Один из супругов ограничен в дееспособности или на момент подписания был в состоянии неадекватности или аффекта.

Для того, чтобы определить, может ли брачный договор быть признан недействительным, сначала требуется определить юридические основания для недействительности, а затем проверить сроки исковой давности (3 года – для ничтожного договора, 1 год – для оспоримого). После этого готовится и подается исковое заявление в суд с необходимыми документами для судебного разбирательства. Следующий этап – судебные заседания и вынесение решения.

Чтобы признать недействительным брачный договор, нужно подать исковое заявление о признании брачного договора недействительным. Это заявление имеет право подавать сам истец, или его официальный представитель, доверенное лицо или адвокат.

Без суда признать недействительным брачный договор можно, если он представляет собой притворную сделку (совершается с целью прикрытия иной сделки). К примеру, с целью избегания налогов, при продаже или покупке имущества заключают брачный договор.

Когда суд признает недействительность брачного соглашения, это обязательно повлечет за собой некие последствия.

С того момента, когда признают брачный договор недействительным автоматически аннулируются все последствия по этому договору. Так же все действия, которые предусматривал договор, тоже признаются недействительными. При этом стороны должны будут вернуть друг другу то, что получили по этому договору. Пара по закону обязана восстановить положение вещей, которое было до заключения этого контракта.

Все разрешения конфликтов, которые возникают на фоне раздела имущества, будут осуществляться в соответствии с законодательством, то есть все имущество, которое нажили за период совместного брака, делится поровну, так как считается совместно нажитым.

С момента признания договора недействительным становится неважно, что описывалось в договоре насчет имущества. Если документ недействителен, то и все в нем написанное тоже признается недействительным. И, соответственно, раздел производится по общепринятому законодательству, без исключений. Проще говоря, неважно, кто из супругов и что покупал в браке. При разводе все делится поровну между супругами.

Когда рассматриваются споры, которые связаны с признанием недействительности брачного договора важно следить за сроком давности подачи искового заявления.

Есть случаи, когда Семейный кодекс РФ может установить сроки защиты нарушенного права (в качестве исключения из общего правила). К таким исключениям относятся споры о разделе имущества супругов, брак которых расторгнут; о признании недействительной сделки с недвижимостью, совершенной без нотариального согласия супруга; о признании брака недействительным в порядке, предусмотренном ст. 27 Семейного кодекса РФ³.

Для требований о признании брачного договора недействительным Семейный кодекс РФ прямо не предусматривает термин давности искового заявления.

Следовательно, срок исковой давности не может применяться к таким правоотношениям. Несмотря на это, в судебной практике встречаются ситуации, когда суд применяет срок исковой давности к таким требованиям.

Таким образом, еще при заключении брачного договора необходимо соблюдать все условия, касающиеся его оформления, содержания, а также учитывать, какие его условия могут впоследствии быть

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Собрание законодательства РФ. Принят ГД ФС РФ 08.12.1995г. // <http://www.consultant.ru>

признаны недействительными, и стараться избегать их.

Подводя итоги, следует отметить роль брачного договора, как документа в жизни граждан любой страны, независимо от их статуса и социального положения, в любом случае брачный договор является преимущественно полезным документом, так как предотвращает разногласия между супругами по поводу имущественных отношений. Брачный договор – это сделка между супругами, а успех любой сделки во многом зависит от того, насколько грамотно составлен и оформлен лежащий в ее основе данный брачный договор. Неточность же при составлении брачного договора, упущение мало-важных на первый взгляд мелочей могут нанести серьезные последствия. К одним из них относится признание брачного договора недействительным,

и, соответственно, последующее изменение правового статуса имущества супругов или бывших супругов.

Значительность брачного договора объясняется и тем, что его заключение позволяет учесть особенности взаимоотношений сторон, согласовать их индивидуальные интересы, а также создает юридические гарантии для его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Собрание законодательства РФ. Принят ГД ФС РФ 08.12.1995г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, свободный.
2. Абашин, Э.Л. Брачный договор / Э.Л. Абашин. – М.: Форум-Инфра-М, 2005.
3. Максимович, Л.Б. Брачный контракт / Л.Б. Максимович. – М.: Дрофа-Плюс, 2004.

APHORISTIC LITERATURE BY BORIS PASTERNAK

Korolkova A.,

*Doctor of Philology, full professor, Department of Literature and Journalism,
Smolensk State University, Russia*

Zhebrunova L.

Candidate of Philology, senior lecturer, Smolensk Academy of Professional Education

Abstract

Boris Pasternak has left a vast body of writings behind. His aphorisms are not many (compared to the whole of his writings) but therefore more significant and of greater worth for research. His aphorisms and aphoristic statements are paradoxical and controversial but express at the same time his serious beliefs and emotion. The thematic study of Pasternak's aphoristic literature allows to look with a fresh eye on his writings, to go in-depth in his feelings and consequently to discover new rims of his imaginative mind.

Keywords: aphorism, aphoristic literature, aphoristic legacy of Boris Pasternak

Boris Pasternak remains one of the most prominent writers and poets in Russia of the first half of the twentieth century. Heartfelt lyricism, deep psychological detail, absence of author's estimations are characteristic of his works. Pasternak was not aiming at overwhelming readers with his vision, both in the prose and in the poetry, he managed to seem distracted for the public eye and engaged in deep feeling and suffering of the words inside of him. Specific morals are an individual feature of his writer's legacy and present in all of his works.

Before we speak on Boris Pasternak's aphoristic literature, we need to make some explanations as to the theory of aphorisms. We have agreed to define **an aphorism** as a complicated linguistic unit of the phraseological nature which is characterized by the obligatory properties and characteristics like concept words in its structure, shortness (no more than three sentences), categories, repeatability. Aphorisms are additionally and optionally characterized by originality of meaning, paradoxical and unexpected word form, metaphorical meaning, reflection of the universal knowledge, etc. [1, c.37]

Ambivalent by nature, aphorisms may be studied as a philological phenomenon though that does not interfere with their linguistic analysis.

Aphoristic literature has long been standing in the world culture (Russian aphoristic literature has long-standing traditions too) for briefly and transparently expressed philosophic ideas and personal estimation concepts of authors. We must specially point out the capability of an aphorism to convey a lot of personal information, author's views, ethical and moral values.

It is possible to speak about aphoristic literature of this or that writer, poet, literature critic, history researcher and even publicist. The aphoristic theory does not argue with the fact that the literature legacy of particular authors has certain aphoristic texts containing aphorisms as such, groups of aphorisms and potential aphorisms identified only on the background of the broad context of the author's works.

Boris Pasternak has left a vast body of work behind. As for aphorisms, they are not many (compared to the whole of his writings) but therefore more significant and of great worth for research. His books «Люди и положения» («People and positions») and «Доктор Живаго» («Doctor Zhivago») are exceptions if considered the number of aphorisms and aphoristic statements. Here Pasternak's aphorisms are multileveled in terms of topic (theme), problem and syntax.

Pasternak has not recurred intentionally to an aphorism as a form of expressing thought that is why the

whole of his aphorisms must be retrieved out of poetical and prosaic texts, sometimes letters. Only a small part of his statements has become widely known and transformed into winged expressions, catch phrases. Among them:

Быть знаменитым некрасиво.

Не это поднимает ввысь. (From the poem «To be a fame man is not nicely»)

Or:

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти. (From the poem «Hamlet»)

Pasternak's authorship has been almost lost for today and the statement has been acquiring properties of a catch phrase.

And one more example:

И дольше века длится день,

И не кончается объятье. (From «Symbolic days»)

In 1980 Chinghiz Aitmatov published an eponymously-named novel «И дольше века длится день» [“Eternal, endless is the day”] – allusion to Pasternak is evident. Presently the winged expression has lost its author and is actively used in publicistic writing. With an aphorism becoming generally known, widely used and winged, its authorship is running out of importance. However an aphorism which is simultaneously a winged expression has a semantic “makeweight” in the form of the author reminiscence.

The base of every aphorism is a key-word, and that is how we identify aphorisms in a text. The whole of statement is built around the key-word holding the main idea, theme of an aphorism. The most wide-spread (frequent) in Pasternak's aphoristic literature are the following: life (live), immortality (death), woman, artist (poet), poetry, love, beauty, Russia, good, fate, soul (heart).

Often unexpectedly covering relevant topics and having special value are those of his aphorisms where we see the above key-words (concepts).

For example, let us see the phraseosemantic field “life, death, immortality”. On the one part, life is full of horror and unexpected, not only nice people around, on the other it is worth living for the sake of love, art, moral rectitude.

Этим и страшна жизнь кругом. Чем она оглушает, громом и молнией? Нет, косыми взглядами и шепотом оговора. В ней все подвох и двусмысленность. Отдельная нитка, как паутинка, потянул – и нет ее, а попробуй выбраться из сети – только большие запутаешься. (From the novel “Doctor Zhivago”)

*Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в бредоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.*

And at the same time, real living is not a life for the sake of yourself but of others, for the sake of art, love and ideals.

Жизнь ведь тоже только миг,

Только растворенье

Нас самих во всех других

Как бы им в даренье. (from “Wedding”)

Жить и сгорать у всех в обычае,

Но жизнь тогда лишь обессмертишь,

Когда ей к свету и величию

Своею жертвой путь прочертишь. (From the poem “Death of the mine picker”)

In Pasternak's mind and imagination, life and death and immortality have become woven together in the above aphorisms.

Directly or indirectly, the mentioned themes have become one of the major topics on his creative mind. In this respect Pasternak's aphorisms are viewed as exhibitory and indicative in the Russian aphoristic literature of the XX century where public spirit themes come forth.

We must notice that the subject area in Pasternak's writings is reasonably built into the Russian aphoristic paradigm of the XX century [3]. The most prominent issue here is “tragic perception of reality” which also appears evident in Pasternak's aphorisms.

Напрасно в годы хаоса

Искать конца благого.

Одним карать и каяться.

*Другим – кончать **Голгофой**.* (Form the poem «Lieutenant Schmidt»)

Как непомерна разница

Меж именем и вещью!

*Зачем **Россия** красится*

Так явно и злоеюще! (Form the poem «Lieutenant Schmidt»)

...Война явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления... Ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы. (from “Doctor Zhivago”)

Like every big master of the pen, Pasternak relies upon the traditions of the Russian classical literature, this meaning, on the traditions of the Russian aphoristic literature of XVIII – XIX centuries. It is demonstrated by the example of a universal semantic field in the Russian aphoristic literature – “love” («любовь»).

Любят все, не замечая небывалости чувства.

Любить иных – тяжелый крест,

А ты прекрасна без извилин, ,

И прелести твоей секрет

Загадке жизни равносильна.

Нелюбовь почти как убийство. (Form the poem «Not loving is almost a murder»)

Любимая, – жуть! Когда любит **поэт**,

Влюбляется бог неприкаянный. (From the poem “Darling – horror!”)

*Все в жизни может быть издержано,
Изведаны все положенья,
Следы любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.* (From the poem
"Death of the mine picker")

*Не надо любить так запашиво и торопливо,
как бы из страха, не пришлось бы потом полюбить
еще сильнее.* (From «Doctor Zhivago»)

The Russian aphoristic corpus of the XIX – XX centuries has among others the phraseosemantic field "meanness, mean-spirited" ("подлость, подлец") which is not numerous and represented by the statements by V.G. Belinsky, V.K. Kyukhelbeker, F.M. Dostoevsky, N.A. Nekrasov, A.M. Gorky, Yu.P. Moritz, V.S. Vysotsky, A.V. Vampilov. And – a fine aphorism by Boris Pasternak:

*Нельзя быть злодеем другим, не будучи и для
себя негодяем. Подлость универсальна. Наруши-
тель любви к ближнему первым из людей предаст
самого – себя.*

There are interesting statements in his aphoristics referring to the phraseosemantic field "negative characteristics and qualities of man" («отрицательные свойства и качества человека»): these are men of little culture, ignorames, illiterates, barbarians, herd mentality.

*Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим, –
Известно у нас подхалимам*

Влиятельным только одним. (From the poem
«Wind» about Alexander Blok)

*И всегда рядом с неряшливою щедростью са-
мородка следует что-нибудь завистливо рядовое и
посредственное. Дела и поступки счастливого со-
перника кажутся ему чудачеством и безумием.
Невежда начинает с поучения и кончает кровью...*
(From the essay «A trip to the army»)

*Всякая стадность – прибежище неода-
ренности, все равно верность ли это Соловьеву,
или Канту, или Марксу. Истину ищут только оди-
ночки и порывают со всеми, кто любит ее недо-
статочно.* (From «Doctor Zhivago»)

The further frequent themes in Pasternak's aphoristic statements are those of poet, poetry and art of words. In his opinion, poetry is a phenomenon of tragic nature covering all manifestations of life. Poetry always reflects morals and ethical life of society, elating man above daily routine to experience catharsis.

Поэзия, не поступайся ширью.

Храни живую точность: точность тайн.

Не занимайся точками в пункте

И зерен в мере хлеба не считай. (From the poem
«Spectorsky»)

Рука художника еще всесильней

Со всех вещей смывает грязь и пыль.

Преображенной из его красильни

Выходят жизнь, действительность и быль.
(From the poem «After storm»)

Цель творчества – самоотдача

А не шумиха, не успех.

Позорно, ничего не знача,

Быть притчей на устах у всех. (From «A life of
fame is crude ambition»)

Starting in the Ancient Russia, the Russian aphoristic literature has been actively developing and expanding the phraseosemantic field "Christian reality". Sympathetic to the Christian understanding of life and immortal nature of soul, Boris Pasternak has also made his contribution to the field.

Душа моя, печальница

О всех в кругу моем,

Ты стала усыпальницей

Замученных живьем. (From the poem «Soul»)

Непобедимым многолетье,

Прославившимся исполать!

Раздолье жить на белом свете,

И без конца морская гладь. (From the poem
«Boundlessness»)

As far as the structure is concerned, Pasternak's statements are usually represented by one or two simple uncomplicated sentences. If found in the poems his aphorisms are placed either in the beginning, or at the end of the text, thus emphasizing their special semantic value and logic finality of the idea.

In the functional and semantic aspect, Pasternak's statements, found in his fiction and publicistic writing, depend on the semantic structure of the text and are part of the complicative models. All his aphoristics are characterized by functional and semantic complications.

E.Yu. Vaganova in her study "Aphorism as a text type in the aspect of intertextuality" («Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности») notices that "characteristic features of an aphorism are generalization of comment, high degree of implicit (grammatical and semantic) information and expressivity provided by linguistic means and stylistic devices. [1, с.28-29]. It is the pragmatic-linguistic advisability that is reflected by the peculiar composition inclusions of the aphoristic statements in the poetic texts by Pasternak.

The aphoristic legacy of Pasternak includes not only aphorisms as such but also aphoristic statements and observations, super-phrasal unity comprising a number of sentences.

For example: *Под посредственностью обычно понимают людей рядовых и обыкновенных. Между тем обыкновенность есть живое качество, идущее изнутри и во многом, как это ни странно, отдаленно подобное дарованию. Всего обыкновеннее гениальные люди... И еще обыкновеннее, захватывающе обыкновенна – природа. Не-обыкновенна только посредственность, то есть та категория людей, которую составляет так называемый «интересный человек». С древнейших времен он гнушался делом и паразитировал на гениальности, принимая ее как какую-то лестную исключительность, между тем как гениальность есть предельная и порывистая, воодушевленная собственной бесконечностью правильность.* (From the book «People and positions»).

The stylistics of Pasternak's aphoristic statements involves the peculiarities of the language means used. Figures and tropes widely used in his aphorisms make them whole, entire, there may be found unusual descriptive words, vivid metaphors, comparisons and similes, interjections and rhetoric question, etc.

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!* (From the eponymous poem)

* * *

Что сравнится с женскою силой?

Как она безумно смела! (From the poem «City»)

Aphorisms and aphoristic statements of his can be rendered both paradoxical and controversial, express at the same time his serious attitude towards world and life, his deep emotion.

Especially vivid seem Pasternak's statements when he does not see any other way to express what he feels about the problems challenging him, this is a kind of a pragmatic drive. Here is an example:

*Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора —
Силу подлости и злобы
Одолее дух добра.* (From the poem «The Nobel Prize»)

Thus, study of Pasternak's aphoristic literature, of the themes there, allows to look with a fresh eye on his writings, to go in-depth in his feelings and consequently to discover new rims of his imagination.

REFERENCES:

1. Vaganova E. Yu. Aphorism as a text type in the aspect of intertextuality. By the example of the German language. Disser. of Candidate of Philology. Kalinigrad, 2002. 261 pp.
2. Korolkova A.V. Aphoristic literature in the context of the Russian culture. Smolensk: SmolGU, 2018. 225 pp.
3. Korolkova A.V., Lomov A.G., Tikhonov A.N. Aphorisms of the Russian writers: Dictionary. Edited by A.N. Tikhonov. M.: Russkiy yasyk Media, 2007. 685pp.

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY IN PHRASEOLOGY

Khatkhe A.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Chitao I.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Autleva F.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Khuazheva N.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Tesheva M.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Shkhalakhova R.

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Хатхе А.А.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных
языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;*

Читао И.А.

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных
языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;*

Аутлева Ф.А.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных
языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;*

Хуажева Н.Х.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской
филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;*

Тешева М.М.

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных
языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;*

Шхалахова Р.А.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской
филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.*

Abstract

The paper deals with the national-specific features of phraseological units. In the course of linguistic research, it was found that phraseological units that are part of the cultural and historical heritage reflect the value picture of the nation's world.

Аннотация

В статье рассматриваются национально-специфические особенности фразеологических единиц. В ходе лингвистического исследования выяснилось, что во фразеологизмах, которые являются частью культурно-исторического наследия, отражается ценностная картина мира нации.

Keywords: national and cultural specifics, phraseological units, language picture of the world, cultural connotation.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, фразеологические единицы, языковая картина мира, культурная коннотация.

В настоящее время актуальными и приоритетными в отечественном языкознании являются проблемы взаимоотношения языка и культуры. Это связано с тем, что древнейшие представления о мире зафиксированы в языковой картине мира и влияют на формирование и отражение национального менталитета.

Тема национально-культурной специфики является достаточно традиционной для исследования в области фразеологии. На протяжении многих лет в работах по фразеологии утверждалось, что фразеологические единицы представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа. Эта тема изучалась такими учеными, как А. Вежбицкая, В.Н. Телия, В.А. Маслова, Д.О. Добровольский и т.д.

В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка «зеркало», в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание, именно фразеологизмы навязывают носителям языка свое видение мира [3, с. 86].

Разные языковые сообщества, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся, по сути, основанием национальных культур.

В.А. Маслова отмечает, что «истинными хранителями культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры. Текст – набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Именно такими единицами в первую очередь и являются фразеологизмы» [2, с. 80].

В.А. Маслова считает, что: «фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные

установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [2, с. 82].

При рассмотрении фразеологии В.А. Маслова выдвинула следующие гипотезы:

1. В большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены.

2. Культурная информация хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь главным образом представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит.

3. Главное при выявлении культурно-национальной специфики – вскрыть культурно-национальную коннотацию [2, с. 83].

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъект, то есть они возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение [2, с. 84].

При исследовании национальной специфики Д.О. Добровольский выделяет два подхода:

- сравнительный подход, при котором национально-культурная специфика одного языка определяется относительно другого языка;

- интроспективный подход, при котором национальная специфика языка рассматривается глазами его носителей, т.е. производится самоанализ, самонаблюдение [1, с. 19].

Весьма важным компонентом во фразеологизмах является культурная коннотация. Культурная коннотация фразеологизмов определяется ценностями определенной культуры. Это то, что является специфичным для отдельной нации, культуры. Культурная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологических единиц через соотнесение его с культурно-национальными стереотипами, в результате чего мы и раскрываем их культурно-национальный смысл и характер фразеологических единиц [2, с. 55].

Таким образом, именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность фразеологических единиц и даже всему тексту. Средствами передачи этой культурной коннотации являются ключевые слова, которые находятся в центре фразеологизма. Формируя определенные, центральные для некоторых областей культуры,

свойства и функционируя в данном качестве во фразеологизме, ключевые слова приводят нас к культурным ценностям и установкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Добровольский, Д.О. Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 71-94.

2. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: АCADEMA, 2004. – 202 с.

3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 288 с.

COMPOUND WORD AS ONE OF THE MOST PRODUCTIVE FORMS OF WORD FORMATION IN MODERN ENGLISH

Khatkhe A.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Chitao I.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Autleva F.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Khuazheva N.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Shkhalakhova R.

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

СЛОЖНОСОСТАВНОЕ СЛОВО КАК ОДНА ИЗ САМЫХ ПРОДУКТИВНЫХ ФОРМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Хатхе А.А.,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Читао И.А.,

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Аутлева Ф.А.,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Хуажева Н.Х.,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Шхалахова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.

Abstract

The paper examines compound words, which are the most productive forms of word formation in modern English. The work analyzes compound nouns, adjectives and verbs. Studies have shown that compound words are formed when two or more root morphemes are combined using an open, closed or hyphenated way of writing and are semantically motivated units, the meaning of the stems of which is different.

Аннотация

В статье рассматриваются сложносоставные слова, которые являются самыми продуктивными формами словообразования в современном английском языке. В работе анализируются сложносоставные имена существительные, прилагательные и глаголы. Исследования показали, что сложносоставные слова образуются при соединении двух или более корневых морфем при помощи открытого, закрытого или дефисного способа написания и представляют собой семантически мотивированные единицы, значение основ которых различно.

Keywords: compound word, word formation, exocentric, endocentric, compound word, noun, adjective, verb.

Ключевые слова: сложносоставное слово, словообразование, экзоцентрический, эндоцентрический, сложное слово, существительное, прилагательное, глагол.

Одной из главных проблем в изучении сложносоставных слов является то что, они очень многообразны, трудно поддаются определению и возникают сложности при их написании. Правописание во многом зависит от исторического происхождения слов. В большей степени, сложносоставные слова проходят три ступени написания в зависимости от частоты употребления: раздельное – *baby sit* (няня), слитное – *beforehand* (заранее), дефисное – *check-in* (регистрироваться).

Ведущим элементом сложносоставного слова может быть как первая, так и вторая его часть. В связи с этим различают 3 типа сложносоставных слов: экзоцентрический, эндоцентрический и сложное слово [3, с. 18].

Экзоцентрический тип состоит из сложносоставных слов, значение которых не определяется ни одним из его составляющих элементов. Например: *pickpocket* не является некой разновидностью кармана (*pocket*), а так же не имеет ничего общего со словом отбор, собирать (*pick*). *Pickpocket* – это человек, занимающийся карманными кражами, то есть карманный вор.

Эндоцентрический тип представляет собой сложносоставное слово, значение которого представляет собой сумму значений составляющих его элементов. Например: *armchair* – это вид стула (*chair*), *breathtest* – это вид теста (*test*).

Сложное слово определяется как сложное образование, состоящее из двух раздельно-оформленных основ, находящихся в отношении аппозиции. Например: *bittersweet* имеет свойства обоих компонентов горький (*bitter*) и сладкий (*sweet*). Элементы этого слова определяют друг друга.

Объектом нашего исследования служат сложносоставные слова, которые являются самыми продуктивными формами словообразования в современном английском языке. Поэтому в нашей работе мы остановимся на сложносоставных именах существительных, прилагательных и глаголах.

Простого существительного иногда бывает недостаточно, чтобы прямо четко охарактеризовать предмет или человека. В этом случае употребляют сложносоставные существительные, которые представляют собой устойчивые выражения, состоящие из более чем одного простого слова. Например: *Some people write out a new address book every January.* – Некоторые люди заводят новую адресную книгу каждый январь.

Иногда можно использовать только вторую часть слова, в случае если понятно о чем идет речь. Например, после употребления в речи слова “a swimming pool” (бассейн), нет нужды повторять его целиком в продолжении разговора, достаточно сказать “a pool”.

Большинство сложных существительных состоят из двух слов, но некоторые могут содержать три и более. Например, *a vase of lily of the valley* – ваза с ландышами.

Сложносоставные существительные делятся на исчисляемые – *blood donor* (донор крови); неисчисляемые – *first aid* (первая помощь). Они встречаются в единственном – *human race* (человечество) или во множественном числе – *luxury goods* (предметы роскоши) [3, с. 7].

Образование множественного числа сложносоставных существительных зависит от его составляющих. Составное существительное находится во множественном числе, если последний компонент является исчисляемым существительным. Например: *health centres* (медицинские центры).

Для образования множественного числа сложносоставные существительные, образованные от фразеологических глаголов, получают окончание «-s». Например: *Nobody seems disturbed about cover-ups when they are essential to the conduct of a war.* – Никто, кажется, не встревожен сокрытием, когда оно необходимо для ведения войны.

Если в состав сложных существительных входят исчисляемое существительное и наречие, тогда окончание множественного числа берет первый компонент. Например: *Looker-on – lookers-on* (зритель – зрители)

Если сложносоставное существительное состоит из двух слов соединенных между собой предлогом «of» или «in», или если в состав которого входит имя существительное и «to-be», тогда окончание множественного числа принимает первый компонент. Например: *I like birds of prey and hawks particularly.* – Я как хищная птица и ястреб в частности.

Притяжательная форма сложносоставных слов образуется при помощи добавления апострофа «'» и «s» к последнему элементу. Например: *a friend of mine's brother* – друг моего брата. Для образования притяжательной формы у сложносоставных существительных во множественном числе используется предлог «of». Например: *the meeting of mothers-in-law* – встреча мамех.

Что касается сложносоставных прилагательных, то они состоят из двух или более элементов, и обычно пишутся через дефис. Они могут быть: качественные – *low-cut* (большой призыв), классифицирующие – *front-page* (на первой полосе) и обозначающие цвета – *blood-red* (кроваво-красный) [2, с. 11].

Сложносоставные имена прилагательные могут состоять из более чем двух элементов. Например: *the day-to-day chores of life* – изо дня в день делами жизни.

Некоторые сложносоставные прилагательные, на наш взгляд, кажутся достаточно нестандартными, так как они состоят из слов, которые никогда не используются в речи самостоятельно. Такие слова обычно относятся к неформальной лексике. Например: *pamby-pamby* (сентиментальный).

Нужно отметить, что не всегда можно понять значение сложносоставного глагола, ориентируясь на значение его компонентов. Например: *soft-soap* (*soft* – мягкий, *soap* – мыло) не имеет ничего общего

с использованием мягкого мыла, его значение – *льстить кому-нибудь с намерением переубедить сделать что-либо для кого-нибудь*.

Сложносоставные глаголы обычно пишутся через дефис – *ice-skated* (кататься на коньках), но иногда они могут иметь двойное написание: раздельное – *baby sit* и через дефис – *baby-sit* (няня).

Существуют сложносоставные глаголы, элементы которых самостоятельно в речи не встречаются. Например: *Sally had pooh-poohed the idea of three good meals a day.* – *Салли относится с пренебрежением к идее трехразового прием пищи*.

Так же как и простые глаголы, сложносоставные делятся на непереходные *hitch-hike* (путешествовать) и переходные – *double check* (двойная проверка) [2, с. 15].

Еще одной проблемой в изучении сложносоставных слов является их правописание. Существуют 3 формы написания сложносоставных слов: закрытая форма (слитное написание) – *keyboard* (клавиатура), открытая форма (раздельное написание) – *April Fool's Day* (День Смеха) и дефисная форма – *age-old* (вековой).

Правописание слов может влиять на его значение. Например, существует два способа написания слова *blackbird*. При слитном написание это сложносоставное слово обозначает вид птиц, вне зависимости от ее цвета. *Blackbird* – черный дрозд, который, несмотря на свое название, может быть как черного, так и белого цвета. В случае раздельного написания, внимание акцентируется на окраске.

Как известно, сложносоставные слова образуются при помощи двух или более основ. При этом существуют, так называемые, мнимые сложносоставные слова, образованные при соединении к полному слову разного рода приставок и суффиксов, а так же «подобий слов». Такие слова обычно имеют слитное правописание. Например: *antisocial* – антиобщественный.

Через дефис пишутся мнимые сложные слова: если их второй компонент пишется с заглавной буквы или является числом – *pre-1998* (до 1998 года); или они находятся в значении омографов – *recreation* (развлечение), *re-creation* – (новое творение); если в состав слова входят более чем 2 компонента – *pro-life* (против абортов); в случае если сложносоставное слово в своем составе имеет более чем два компонента – *non-English-speaking* (не на английском языке).

Что касается сложносоставных слов, в основе которых лежат формально-логические отношения

между понятиями, выделяют три типа отношений среди элементов сложносоставных слов:

1) равнозначность показывает весомость значения каждого из элементов при восприятии – *Afro-American* (афро-американец).

2) антонимия, которая представляет собой противоположность в значениях – *bittersweet* (горько-сладкий).

3) расширение и сужение – это два противоположно направленных семантических процесса. Элементы сложносоставных слов в английском языке чаще всего представлены сужением значения, то есть переход от родового понятия к видовому – *sun-glasses* (очки).

Сложносоставные слова представляют собой семантически мотивированные единицы: *chess-board* (шахматная доска).

Лексическое же значение основ соединено между собой и формирует новое семантическое целое. Например: *a hand-bag – a woman's bag* (саквояж – женская сумка).

По степени мотивации сложносоставные слова подразделяются на полностью мотивированные слова (лексическое значение этих слов соединено между собой и представляет сложение значений составляющих элементов) – *sky-blue* (небесно-голубой), частично мотивированные слова – *a castle-builder* (фантазер) и немотивированные слова (метонимический и метафорический перенос значения) – *a night-cap* (ночной колпак, напиток на ночь) [1, с. 27].

Таким образом, сложносоставные слова образуются при соединении двух или более корневых морфем при помощи открытого, закрытого или дефисного способа написания, зависящего от исторического происхождения слова, от частоты его употребления, а так же от функции, выполняемой ими в предложении, и представляют собой семантически мотивированные единицы, значение основ которых различно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // А.А. Леонтьев. Семантическая структура слова. – М., 1971.
2. Collins Cobuil. English Grammar. – London, 1994.
3. Person Education. The Longman Dictionary of Contemporary English. – London, 1995.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT “MONEY” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS AND AMERICANS (BASED ON THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Khatkhe A.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Chitao I.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Autleva F.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Khuazheva N.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Shkhalakhova R.

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Хатхе А.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Читао И.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Аутлева Ф.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Хуажева Н.Х.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Шхалахова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.

Abstract

The paper presents the cultural concept of “money” and considers the characteristics of this concept in everyday language consciousness based on the material of American and Russian linguistic cultures as an object of analysis. A linguistic study revealed that the concept of “money” is represented by a variety of speech formulas and reflects the prevailing linguistic consciousness of representatives of American and Russian linguistic cultures.

Аннотация

Статья представляет культурный концепт «деньги» и в качестве предмета анализа рассматриваются характеристики этого концепта в обыденном языковом сознании на материале американской и русской лингвокультур. В ходе лингвистического исследования выяснилось, что концепт «деньги» представлен разнообразными речевыми формулами и отражает сложившееся языковое сознание представителей американской и русской лингвокультур.

Keywords: linguistic picture of the world, the concept of an associative approach, the national concept sphere, universal subject code.

Ключевые слова: языковая картина мира, понятие ассоциативного подхода, национальная концептосфера, универсальный предметный код.

Русская и американская языковые культуры имеют каждая свои специфические черты и определённую общность. Исследование национальной концептосферы, в этом случае, является одним из способов выяснить уникальность и универсальность данной культуры.

Основываясь на экспериментальных исследованиях Е.В. Щепотиной по выявлению специфики образов сознания носителей той или иной культуры, особое место занимают так называемые ассоциативные нормы, которые выявляются в результате обработки массовых экспериментов, проводи-

мых по методике свободного ассоциирования. Мас-совое сознание, то есть восприятие и оценка мира в определённый исторический момент неким близким большинством членов общества, складывается хоть и из большого числа, но единичных «сознаний» отдельных индивидуальностей, совокупность которых может быть охарактеризована как «усреднённая языковая личность» [2, с. 45].

По мнению А.А. Залевской понятие ассоциативного подхода сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» её многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова. А.А. Залевская также считает, что «изучая ассоциации в ассоциативном эксперименте, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики» [1, с. 27].

Таким образом, так как ассоциативные эксперименты выявляют особенности национального языкового сознания народа, то данные, полученные в результате введённого эксперимента, могут быть интерпретированы как отражение сознания англоязычной и русскоязычной нации.

Анализ ассоциации на тот или иной стимул позволяет выявить компоненты концепта, стоящего за стимулом – оценочное отношение к нему национального сознания, отдельные концептуальные слои и когнитивные признаки. Теория структуры концепта, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стернинным, берётся за основу исследования. Структура концепта представлена в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы. Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода. Вокруг ядра группируются так называемые базовые слои. Более абстрактные признаки составляют периферию концепта. На периферии находится «интерпретационное поле концепта», которое состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей [2; с. 60].

Свободный ассоциативный эксперимент служит практическим подтверждением «послойного» строения концепта и может являться достаточно эффективным методом исследования структуры различных концептов в когнитивной лингвистике.

В ходе работы нами был проведён ассоциативный эксперимент на слово-стимул *money*, *деньги* в русской и американской культурах.

Целью нашего ассоциативного эксперимента было выяснение специфической структуры исследуемого концепта, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в организации его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова.

В ходе работы мы использовали данные Русского ассоциативного словаря под редакцией Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой в качестве эталона русского языкового сознания. Эксперимент проводился с целью выявления особенностей языкового сознания русских. Ассоциативный словарь является своего рода моделью языкового сознания русских на сегодняшний день.

В эксперименте с носителями английского языка принимали участие 100 человек в возрасте от 20 до 30 лет. В эту группу вошли студенты и представители следующих профессий: официанты, учителя, водители, пожарные, библиотекари, парикмахеры, что позволило получить наиболее полное представление об отражении указанных концептов в языковом сознании представителей профессий американского социума.

Опрос проходил в форме анкетирования: слово-стимул *money*, *деньги* было написано на листе-опроснике, в конце которого необходимо было указать сведения об опрашиваемом: пол, возраст, профессия.

На лексему *money* было получено 100 реакций. Среди наиболее частотных ассоциативного поля слова-стимула *money* обнаружены реакции: necessities 13, freedom 10, luxuries (luxurious lifestyle) 9, security 8, confidence 8, comfort 7, America 5, Hollywood 5, power 4, riches 4, dollars / cash 3, peace of mind 3, vocation 3, satisfaction 3, everything 2, happiness, clothes 2, success 2, dreams 2, opulence 1, prosperity 1, food 1, hard work, worry less 1.

Наиболее частотными реакциями русских на лексему деньги и испытываемые на первое место выносятся: большие 41, много 19, бешенные / кошелёк 14, золото 12, крупные / нужны 11, мало 10, зло / рубль 9, вода / время / не пахнут 8, счастье 5, грязь / грязные 4, шальные 3, займы / доллар 2, это все 1.

В результате проведённого нами ассоциативного эксперимента были сделаны следующие выводы. В данном эксперименте прослеживается специфика ассоциативных реакции, полученных в условиях различных культур. Люди, относящиеся к разным культурам, с одинаковым уровнем образования и сходными интересами могут иметь много общего с точки зрения выбора ключевых концептов.

В ходе проведённого эксперимента нами было выявлено несомненное сходство ассоциаций на слово-стимул *деньги* / *money*.

Таким образом, ассоциативный эксперимент может служить весьма полезным источником информации о степени актуальности указанных лексем в сознании американцев и россиян. Более того, экспериментальные данные такого рода позволят сравнить их с данными ассоциативных словарей, а также корректировать несовпадающие показания словарей, отражая наиболее современные тенденции в лексиконе носителей соответствующего языка.

Сопоставительный анализ характеристик отношения к деньгам в русской и американской языковых картинах мира проводился в данной работе

на материале фразеологизмов и паремий, а также по данным, полученным в ходе ассоциативного эксперимента.

Анализ позволил прийти к следующим выводам:

- концепт отношения к деньгам является универсальным, то есть присущим как русской, так и американской картине мира;

- в американской ценностной картине мира данный концепт занимает более важное место, чем в русской;

- большое количество общих характеристик указывает на схожесть данного концепта в русской и американской картинах мира.

К общим в русской и американской картинах мира относятся следующие характеристики отношения к собственности:

- как в русской, так и в американской языковой картине мира наличие денег оценивается положительно; как в русской, так и в английской языковой картине мира отсутствие денег оценивается отрицательно;

- как в русской, так и в американской языковой картине мира приветствуются усилия по приобретению денег, поощряется труд, осуждается лень;

- в обеих картинах мира нечестное приобретение денег, чрезмерный интерес к приобретению денег оцениваются отрицательно;

- как в русской, так и в американской картине мира жизнь за чужой счёт, долги оцениваются отрицательно;

- бережное отношение к деньгам, экономия в обеих языковых картинах мира получают положительную оценку, в то время как неразумная трата

денег, а так же скупость и жадность оцениваются отрицательно;

- зависть, стремление воспользоваться чужими деньгами оценивается в обеих языковых картинах отрицательно;

- как в русской, так и в американской языковой картине мира при сравнении «своего» с «чужими» предпочтение отдаётся «своему»;

- в обеих языковых картинах мира наличие денег ассоциируется с властью, отсутствие с бесправием;

- как в русской, так и в американской языковой картине мира деньги считаются важной, но не самой главной ценностью в жизни индивидуума.

К специфическим относятся следующие характеристики:

- в американской языковой картине мира более поощряется учёт денег, чем в русской;

- американской языковой картине мира свойственно более рациональное и практичное отношение к деньгам, чем русской;

- американской языковой картине мира присуще более уважительное отношение к деньгам, чем русской;

- в американской языковой картине мира большее внимание уделяется внешнему проявлению наличия денег.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Залевская А.А. Язык в контексте культуры: некоторые новые аспекты и акценты. – Алма-Ата, 2000.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. 1-ое изд. – Воронеж, 2002. 2-ое изд. – Воронеж, 2003.

TRANSLATION AS A CULTUROLOGICALLY DETERMINED CONCEPT

Khatkhe A.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Chitao I.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Autleva F.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Khuazheva N.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Tesheva M.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Shkhalakhova R.

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

ПЕРЕВОД КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ПОНЯТИЕ

Хатхе А.А.*Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Читао И.А.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Аутлева Ф.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Хуажева Н.Х.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Тешева М.М.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Шхалахова Р.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.***Abstract**

The paper considers the translation as a culturologically determined concept. Thanks to artistic translation, spiritual and cultural values that are reflected in the works of writers become universal property. Translation helps to carry out a dialogue not only of languages, but also of cultures. The analysis shows that the translation cannot be a foreign-language copy of the original. Partial modification and creative transformation, reflecting the specifics of the translator's participation in cross-cultural literary and artistic communication, involves a foreign language and a foreign cultural mode of verbal and artistic information.

Аннотация

В статье рассматривается перевод как культурологически обусловленное понятие. Благодаря художественному переводу духовные и культурные ценности, которые отражены в произведениях писателей становятся всеобщим достоянием. Перевод помогает осуществить диалог не только языков, но и культур. Предпринятый анализ показывает, что перевод не может быть иноязычной копией оригинала. Частичное видоизменение и творческое преобразование, отражающие специфику участия переводчика в межкультурной литературно-художественной коммуникации, предполагает иноязычный и инокультурный модус вербально-художественной информации.

Keywords: translated literature; original; national character; national-cultural connotation; artistic work; translation transformation.

Ключевые слова: переводная литература; оригинал; национальный характер; национально-культурная коннотация; художественное произведение; переводческое преобразование.

Переводная литература сыграла важную роль в процессах культурной интеграции и национального самоутверждения в Адыгее. Первые писатели, занимавшиеся переводами: Т. Керашев, А. Хатков, И. Цей, Ю. Тлюстен, М. Паранук и др. Не было почти ни одного человека среди адыгейских писателей, который бы не проявил бы себя в художественном переводе. Неотъемлемой частью адыгейской литературы являются переводные произведения А.С. Пушкина, сделанные А. Хатовым, И. Машбашем, М. Емижем. И. Машбаш очень много сделал в адыгейской литературе. Им переведены на адыгейский язык также поэмы Н. Некрасова, А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского. А. Хатов был большим знатоком языка своего народа и его ментальности. Из произведений А.С. Пушкина он перевёл «Кавказский пленник», «Полтава», «Цыгане» и др.

Существуют неопровержимые суждения о том, что перевод играет важную роль для творчества писателей, для развития оригинальной литера-

туры. Так, в частности, немецкий поэт Иоганнес Бехер тонко заметил, что «значительная национальная литература немыслима без хорошей переводной литературы. Создание высокой культуры перевода способствует росту данной национальной литературы и созданию ею своего национального характера» [11, с. 63].

Перевод художественной литературы всегда возбуждал наибольшее внимание, вызывал самые острые вопросы, как труднейший вид перевода, то есть именно как искусство [12, с. 156].

Полноценность перевода здесь может быть достигнута только в функциональном плане – и по отношению не к отдельно взятым деталям, а к тому целому, каким является литературное произведение, носящее печать творческой личности писателя [13, с. 39].

Перед переводчиком всегда стоит сложнейшая задача: повторить неповторяемое, передать на другом языке глобальность художественного текста.

Здесь компонентами удачи являются, конечно, знание культурного поля, в котором создан оригинал, владение техникой перевода, искренний интерес к произведению переводимого автора. К тому же ещё то, что неуловимо, та живая душа, которая обитает между строчками поэтического текста и в конце концов определяет коренное отличие художественного перевода от технического [19, с. 62].

Л. С. Макарова отмечает, что «перевод не тождествен оригиналу и включает многочисленные преобразования, обусловленные спецификой межкультурной коммуникации и субъективным переводческим видением концептуальной информации оригинала. В этой связи большой интерес приобретает сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода. Рассмотрение данной проблемы предполагает использование следующих рабочих понятий, образующих модули исследовательского аппарата: 1. Лингвостилистический модуль. 2. Художественно-эстетический модуль. 3. Культурологический модуль. 4. Личностный модуль» [13, с. 207].

Рассмотрим пример, когда в переводе сказано значительно больше, чем в оригинале. Например:

Тхьаркьожъ тхьэпэихомэ алъэкьо пцланэхэр атетхэу, ашгхэу упсыгъэхэр лэ цлэнклэ алотызэ, атхьаклыгъэхэр агъэчъэпхыжытыи, Тхьэихом гуцылэ къабзклэ зызыфагъазклэ, гъогу гьомлапхгъэхэр къаштэцтыгъэ, тхьэркьо ланэм гьомлапхгъэр къытыралхъэцтыгъэ [Къуекъо Н. Зэкьомэз 375].

Их ноги покоились на больших свежих листьях лопуха, и они чувствовали, как лёгкий ветерок высушивает блестящие капельки на икрах ног, снова подставляли ладони под холодную струю воды и обтирали ими гладко выбритые головы. Потом они возносили слова благодарности Великому Тха, доставали еду, раскладывали на лопухах и начинали кушать ...

Они не чавкали, не скрипели зубами, ничего не роняли на землю или на свою одежду, пищу клали в рот двумя или тремя пальцами. Иногда кто-то громко спрашивал: « – Да, мы не забыли отблагодарить бога лесов Мезитха и угостить его тем, что нам послал Всевышний?» После паузы кто-то отвечал: “– Конечно, мы его долю сразу положили на лопух, вон слева от тебя”» [Куёк Н. Лес одиночества 70].

Переводчик этого произведения – сам автор. В данном отрывке описывается лопух, используемый вместо стола. Для большей ясности и выразительности переводчик решил добавить несколько предложений в перевод для того, чтобы как можно глубже передать главные элементы авторской характеристики. На наш взгляд, автор расширил перевод с объяснительной целью.

Есть и такие случаи, когда в оригинале о чём-то ничего не сказано, но в переводе даётся новая по сравнению с оригиналом информация, в частности, о дубе. Это подтверждает отрывок, которого нет в оригинале:

« – Какой? – задумался он. – Такой, что мой бедный язык его не опишет, для этого нужен настоящий ашуг. Я могу передать, что говорил о

дубе мой дед, но тогда это дерево ещё не было таким красивым и могучим, каким оно стало теперь, поэтому и его словами уж не описать наш дуб. Какой он, можно понять, мой мальчик, лишь увидев его...

– Тогда возьми меня с собой, – загорелся Азамат.

– А тебе действительно интересно? – прищурился дед. – Скажу по секрету, у этого дуба есть своя тайна» [Жанэ К. Тайна старого дуба, 288].

Иногда в переводе приводится название растения, о котором не говорится в оригинале. Ср.:

«Шэджэгъуаихэ зашыхэм, Къэлэкътэрэ Хьатаерэ Даур гъусэ зафиули, къушгхэу псыхьо зэпычыклэ Мэхьош хэгъэгъу ихьагъэх, ахьшам зэхэогъум адэжъ Къурашэ чылэ зэтегъэпсыхьагъэм дэхьагъэх. Абдзэхэ цагумэ ялытыгъэмэ, мэхьош унэхэм чьыг-сэншгхэу хатэхэр къашиклэгыгъагъэх, яунэ-бгъагъэхэри нахь клэрэклагъэх» [Мэщбэшлэ И. Адыгэхэр, 192].

«В полдень следующего дня Калакут и Хатай в сопровождении Даура отправились в селение махошев. Дома здесь, заметил Хатай, добротные, многие сложены из камня, и всюду – сады, сады. Виноградом увиты навесы, веранды и заборы, вдоль которых кусты благоухающих роз. В конце огорода – луга и, будто сторожевые башни, устремившиеся к небу, пирамидальные тополя, трепетавшие зелёной блестящей листвой при слабом дуновении набегавшего ветерка» [Машбаш И. Адыги, 178].

Здесь можно говорить о переводческом преобразовании оригинала. Последнее предложение, где говорится о тополе, переводчик добавил, чтобы украсить описание природы. Как нам представляется, это не нарушает стилистической доминанты текста, и это предложение довольно органично вписывается в художественное повествование.

Творческое преобразование оригинала свидетельствует о мастерстве переводчика:

«Ыклу орзэ ланлэм рахьыллэгъэ пхъэцлакълэм машлор къызэрэпылыкырэм фэдэу, шыур къызэрэдахъэу, хьадэгъэ гуклае машлор унагъом къыцилэтыгъэ» [Клэрэщэ Т. Шапсыгъэ пшъашъ, 440]

«И словно от горящей лучины, поднесённой к скирде соломы, дом этот занялся огнём горя и плача» [Керашев Т. Дочь шапсугов, 358].

Выражение «словно от горящей лучины» в оригинале относится не к дому, а к всаднику, то есть всадник появился, словно от горящей лучины, поднесённой к скирде соломы. В оригинале метафора «дом занялся огнём горя и плача» относится к всаднику, то есть всадник поднял в доме огонь горя и плача.

В этом фрагменте переводчик демонстрирует возможности индивидуальной творческой передачи образно-смысловых особенностей художественного текста. А. Лилова пишет, что перевод художественного произведения принято рассматривать как творчество, связанное с художественно-образным мышлением [12, с. 231]. Действительно, этому виду деятельности присущи многие характеристики, которые укладываются в традиционное

понимание творчества как «созидание нового и оригинального», связанное с наличием интеллектуальной творческой инициативы, открытостью по отношению к накопленному опыту, парадоксальностью предлагаемых решений и некоторой избыточностью [3, с. 34].

О расхождении между оригиналом и переводом можно судить, если сравнить следующие фрагменты:

«Чылэм зыдахъэхэм, Хъатх Мыхъамэт зыцагу горэм ыналэ тыридагъ: псэуалгъу дэтхэмклэ, унэгъо фэишгъэ плонзу цытыгъэп, пстэумкли дэтыгъэр бгъэнышгъэхэ унэ цыкпурэ шэц-къакъыр зэпытырэ арыгъэ нылэн.

Ау а чланлэхэм зыфэдэ цымылэгъэ сад дэгъу дэтыгъ. Чыгъэхуитлоу унэлум лутым ашгъапэ нэсэу снэшгъэр къыцкыгъэу, снэшгъэхэ лрэмэ хъугъэхэри къапыблэблыцтыгъэ» [Клэрэшэ Т. Шапсыгъэ пшгъаш, 358-359].

«Хатхе Мхамет обратил внимание на один двор: он не отличался богатыми постройками – всего лишь небольшой домик да сарайчик. Но зато около дома раскинулся редкий для этих мест богатый сад. Два огромных дуба росли перед домом, от корней до самых макушек они были увиты вьющимся виноградом, зрелые гроздья чернели в листве. Хатхе, изъездивший все уголки адыгской земли, знал, что такие сады водятся только на морском побережье да в долинах горной Абадзехии» [Керашев Т. Дочь шапсугов, 291-292].

Последнего предложения в оригинале нет. На наш взгляд, в перевод вводится дополнительное предложение с целью донести до читателя информацию, которая не настолько важна в оригинале. Именно благодаря добавлению, по нашему мнению, смысл фразы приобретает законченный вид, а информация становится полной.

О переосмыслении оригинала можно говорить, сравнивая такие фрагменты:

«– Лъапсэ дэгъу илэш ары, – elo Къамболет. – Тхылгъыр чыгым фэд, зэхьылэгъэ лофыр дэгъумэ, факт тэрэзыр бэм ахэм кпучлэ къыраты» [Кэстан Д. Псыгулан, 95].

«Я тоже считаю, у неё хорошая основа. Где-то я читал: книга что дерево – ей придают силу хорошие корни, на которых она держится» [Костанов Д. Белая кувшинка, 70].

Переводчик в данном фрагменте в результате переводческой импровизации переосмыслил образ оригинала и создал новый образ, созвучный оригиналу и отражающий творческое переживание самого переводчика. Как нам представляется, в сам акт восприятия переводчик внёс творческое начало и увидел возможные трансформации объекта.

Камнем преткновения в художественном переводе часто оказывается культурно детерминированная коннотация языковых единиц, которая является одним из центральных понятий лингвокультурологии. Это явление определяется как совокупность ассоциаций и чувств, возникших в памяти индивида при восприятии той или иной номинации в памяти индивида [9, с. 5]. Так, восприятие номинаций *stork* «аист», *nightingale* «соловей» вызывает

у англичан и русских сходные положительные ассоциации, а коннотативные поля вокруг понятий *fly* «муха», *pig* «свинья» значительно расходятся. Символический характер имеют обозначения растений и цветов: *пятилепестковая красная роза* является символом Англии, *жёлтый нарцисс* – Уэльса, *трилистник* – Северной Ирландии, а *чертополох* – Шотландии. Номинации *peacock* «павлин» и *hawthorn* «боярышник» вызывают у носителей британской культуры негативные чувства, так как связаны с плохими приметами.

Содержанием национально-культурной коннотации являются культурно-национальный смысл и характер. Содержание культурно-национальной коннотации составляет соотношение с тем или иным культурным кодом. Именно культурная коннотация придаёт культурно-значимую маркированность не только значениям ФЕ, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются [10, с. 56].

Возникновение коннотаций – это процесс культурно-национальный. «Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счёт яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций, прямое значение слова выступает как ВФ по отношению к переносному» [10, с. 56].

Номинации растительного мира часто встречаются в художественных текстах при описании явлений природы. «Образ растительной реалии существует в сознании человека и отражает представления носителя русского языка о номинируемом объекте. Информацию о представлениях носителя языка относительно номинируемой им действительности несёт элемент кода. С целью обнаружения мотива, объясняющего причину их ассоциирования друг с другом, а также для того, чтобы извлечь эту информацию приходится прибегнуть к сопоставлению элемента кода и номинируемого объекта. Одним из этапов реконструкции представлений русского человека об интеллектуальной сфере служит осуществление такого сопоставления». Писатели умело используют названия растений в своих произведениях и тем самым показывают свои глубокие познания в восприятии и осмыслении окружающей действительности и тонко описывают красоту родной земли.

Таким образом, перевод – это вид литературного творчества. Выбирая самое подходящее слово, переводчик должен создавать новый литературно-художественный текст, полностью используя для этого все богатства языка. Сохраняя своеобразие подлинника, перевод становится неотделимым от своей родной прозы или поэзии, когда звучит так же естественно и свободно, как оригинальное произведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бехер И.Р. В защиту поэзии. М., 1959.
2. Бурукина О.А. Проблема культурно детерминированной коннотации в переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 24 с.
3. Варламова Е.П. Психология творческой уникальности человека. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1998. 204 с.
4. Жанэ К.Х. Свадьба с женихом: рассказы. М.: Сов. писатель, 1984. 336 с.
5. Керашев, Т.М. Избранное. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1997. 600 с.
6. Костанов, Д.К. Белая кувшинка: роман. М.: Современник, 1973. 192 с.
7. Кэстан, Д. Псыгулан. – Мыекъуапэ: Адыгэ Республикэм итхыль тедзап, 1967. 305 н.
8. Куёк, Н.Ю. Лес одиночества: повесть // Литературная Адыгея. 2007. № 1. С.70-92.
9. Клэрэщэ, Т. Хэшыпыкыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылытл. Апэрэ тхыль / Т. Клэрэщэ. – Мыекъуапэ, 2002. – 432 н.
10. Клэрэщэ, Т. Хэшыпыкыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылытл. Апэрэ тхыль / Т. Клэрэщэ. – Мыекъуапэ, 1987. – 560 н.
11. Клэрэщэ, Т. Хэшыпыкыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылытл. Ятлонэрэ тхыль / Т. Клэрэщэ. – Мыекъуапэ, 1988. – 560 н.
12. Клэрэщэ, Т. Хэшыпыкыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылытл. Ящэнэрэ тхыль / Т. Клэрэщэ. – Мыекъуапэ, 1989. – 560 н.
13. Къуекъо, Н. Зэкъомэз. Къэбар заулу зэхэт роман. Мыекъуапэ: Адыгэ Республикэм итхыль тедзап, 2005. 415 н.
14. Лилова, А. Введение в общую теорию перевода: пер. с болг. / А. Лилова; под общ. ред. П.М. Топера. – М.: Высш. шк., 1985. – 254 с.
15. Макарова Л.С. Об одном опыте анализа художественного перевода / Л.С. Макарова // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 207-211.
16. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
17. Машбаш И.Ш. Адыги: роман. М.: Сов. писатель, 2003. 736 с.
18. Мэщбэшлэ И. Адыгэхэр. Тарихъ тхыль. – Мыекъуапэ: Адыгэ Республикэм итхыль тедзап, 2005. 752 н.
19. Романенко О.В. Олицетворения и овеществления в языке романа Э.М. Ремарка «Возлюби ближнего своего» (сопоставительный анализ подлинника и переводов): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар. 2002. 144 с.
20. Фёдоров А.И. Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983.
21. Хатхе А.А. Метафорическое сближение растения и человека в произведениях А. Блока / Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (15). С. 104-106.
22. Ченишхова М.Ю. Перевод как часть национальной литературы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 1. С. 61-64.

SEMANTIC FEATURES OF THE ADYGHE PAREMIAS INCLUDING PLANT NOMINATIONS**Khatkhe A.,***Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;***Chitao I.,***Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;***Autleva F.,***Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;***Khuazheva N.,***Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;***Tesheva M.,***Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;***Shkhalakhova R.***Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДЫГЕЙСКИХ ПАРЕМИЙ, ВКЛЮЧАЮЩИХ РАСТИТЕЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ**Хатхе А.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Читао И.А.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Аутлева Ф.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Хуажева Н.Х.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Тешева М.М.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Шхалахова Р.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.***Abstract**

The paper describes semantic features of the Adyghe paremias including plant nominations. Adyghe proverbs and sayings including the name of phyto reflect experience wisdom of people and differ individual brevity, figurativeness, capacity. Proverbs and sayings on the whole are simple sentences, complicated unfinished verbal construction or impersonal.

Аннотация

В статье исследуются семантические особенности адыгейских паремий, включающих растительные номинации. Адыгейские паремии, содержащие названия фитонимов, отражают опыт, мудрость народа и отличаются особой краткостью, образностью, емкостью. Паремии, в основном, являются простыми предложениями, осложненными незаконченной глагольной конструкцией или безличными.

Keywords: Complex sentence, communicative phraseological unit, linguistic interest, verbal construction, proverbs and sayings, vegetable nominations, semantic peculiarities, impersonal sentences, conjunctionless sentence, simple sentences.

Ключевые слова: Коммуникативная фразеологическая единица, лингвистический интерес, глагольная конструкция, паремии, растительные номинации, семантические особенности, безличные предложения, бессоюзные предложения.

Пословицы – это краткие народные изречения, в которых проявляется опыт, характер мышления, мудрость народа [4, с. 3]. Картина мира отражается и моделируется в паремии в максимально сжатом концентрированном виде. Пословица в контексте выступает в качестве простого предложения или части сложного предложения, краткого образного изречения, содержащие поучение, совет, предостережение, наизидание и представляющее законченную мысль. По наблюдениям ученых, наличие архаизмов в пословице способствует ее устареванию [5, с. 12].

Поговорки – это устойчивые изречения, отличающиеся особой краткостью и обладающие незавершенностью высказанной мысли [6, с. 3]. Коммуникативная фразеологическая единица непословичного характера является поговоркой. Пословицы и поговорки представляют большой общественный и лингвистический интерес, так как в них прослеживаются традиции, обычаи, нравы и мировосприятие этноса. Накопленный народом опыт паремии передают из поколения в поколение.

Каждый народ отличается своим миропониманием окружающей действительности, отношением к природе, располагает возможностью видеть ее и предопределять возможные ее изменения по определенным приметам, чувствует взаимосвязь между явлениями в жизни и природе, соотношения между старым и новым [7, с. 13].

Бесконечно разнообразна тематика пословиц и поговорок, во многих встречаются упоминания номинаций растительного мира. Каждая из них – это поистине маленькое художественное произведение, в котором столько мудрости и красоты хватило бы на целую жизнь [8, с. 2]. «Чыр цынэзэ кьауфэ, калэр цыклузэ агъасэ». «Лозу гнут, пока она молода, ребенка воспитывают пока он маленький». Данная пословица представляет собой сложное бессоюзное предложение.

«Чъыг гъугъэм псы кӀоэгъахьокӀэ кӀэкӀыжьырӀп». «Засохшее дерево от полива водой не оживает». Адыгейская пословица выступает в роли простого предложения, осложненного незаконченной глагольной конструкцией.

В образной речи адыгов пословицы, словно золотые россыпи. Пословицы и поговорки наличествуют во многих жанрах фольклора. Так, множество паремий встречается в нартском эпосе адыгов.

– «Сэтэнаер шхьхальэмэ, бжъэм ышхьэ утемылэжъ» е «Сэтэнаер шхьхальэмэ, шьольыр хэмыщыжъ» [9, с. 187].

– «Когда цветут цветы Сэтэнай, больше не беспокоят пчел». И еще: «Когда цветут цветы Сэтэнай, не прокладывай борозды» [10, с. 109].

Номинации растительного мира в пословицах героического эпоса «Нарты», самобытного творчества кавказских племен, отражают отголоски определенных жизненных явлений.

В произведениях адыгейских писателей так же нередко встречаются пословицы и поговорки.

Ошъо нэгу зэлыхыгъэм нахьыбэрэ тыгъэр иолъагъо, кызыцкыокIрэ, зыцыкхъахъырэ уахътэм мэфэ кэклогъу къэс хэтилыкIэу хэхъо...Гъэжъуацэу чым хэфагъэмрэ цум тефагъэмрэ зэкIэхъажьырэп зыфалорэ лэжъэгъу уахътэу мафэр зыцыгугоерэ гъатх [11, с. 251].

Заметно прибыл день, в голубом небе ослепительно сияет солнце. Словом, пришла та неповторимая страдная пора, о которой, как уже было сказано, гласит адыгская пословица: просяному зерну, упавшему на спину вола, не догнать зерна, посеянного в землю [12, с. 217].

Пословица акцентирует внимание на роль и место труда в жизни адыгов, как он способствует облагораживанию человека и возвышению его в глазах окружающих.

Ау о Iae сыгу нфилъэн, е кыохъулэнэуи сыфээнэн: шIулъэгъур уимылэу унэгъо бай уисын нахъри, ушIулъэгъу уигъусэу нкIэишгъэ пцытIэм уцыпсэуныри нахъ насып гушIологъошхоу зэрэцытыр мыгужъуацэу зэхэтилыкIынэу нфэсIо [13, с. 512].

Пожелаю только не слишком поздно понять, что лучше с любовью ютиться под деревом, чем без любви жить в богатом доме [14, с. 439].

Паремия из текста – объяснение молодого человека с девушкой. Не открытым текстом, а иносказательно герой выражает свои чувства с помощью народной мудрости.

Пословицы и поговорки содержат в себе многовековые знания народа о жизни и природе, обладают идейно-воспитательным и историко-познавательным значением, оцениваются как проявление народного характера. Паремий составляют важную, чрезвычайно интересную часть национальной культуры и соответственно передают жизненный опыт.

Паремии, включающие растительные номинации, встречаются в разговорной речи, во многих жанрах фольклора и в художественных произведениях адыгейских писателей.

Семантические особенности адыгейских паремий, включающих названия фитонимов: краткость, ёмкость, образность высказываний, представляющих собой, в основном, простые, осложненные незаконченной глагольной конструкцией, или безличные предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Блягоз З.У. Адыгейские пословицы и поговорки (на русском языке) / Ред. У.С. Зекох. – Майкоп, 1996. – 120 с.
2. Завалашина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета. – Курск, 1998.
3. Блягоз З.У. Жемчужины народной мудрости (адыгейские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках). – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1992. – 128 с.
4. Мудрые слова. Пословицы народов Кавказа / Сост. А.П. Куцко Ред. В.Г. Кузьмин. – Нальчик: Книжн. изд. «Эльбрус», 1970. – 72 с.

TO THE QUESTION ABOUT THE ENGLISH LEXICAL SYNONYMY

Khatkhe A.,

Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;

Chitao I.,

Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;

Autleva F.,

Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;

Khuazheva N.,

Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;

Tesheva M.,

Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;

Shkhalakhova R.

Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**Хатхе А.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Читао И.А.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Аутлева Ф.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Хуажева Н.Х.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Тешева М.М.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Шхалахова Р.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.***Abstract**

The paper discusses some aspects of English lexical synonymy. The research has shown that combinability differences between synonyms, like constructive differences, can be motivated and unmotivated, as well as verb synonyms do not have a combinability restriction and not all verbs can be replaced with synonyms.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты лексической синонимии английского языка. Исследования показали, что сочетаемостные различия между синонимами, подобно конструктивным различиям, могут быть мотивированными и немотивированными, а также глагольные синонимы не обладают сочетаемостным ограничением и не все глаголы можно заменить синонимами.

Keywords: lexical synonymy, constructive differences, verb synonyms.

Ключевые слова: лексическая синонимия, сочетаемостные различия, глагольные синонимы.

Понятие «синонимия» многогранно и практически ему невозможно дать однозначное определение. Сущность синонимии, синонимических отношений между словами привлекает внимание лингвистов, разрабатывающих проблемы семасиологии, поскольку решение проблем синонимии, тесно связано с антонимией и полисемией и ее изучение важно не только для семасиологии, но также и для лексикографии, литературоведения, методики преподавания языка [1, с. 112].

Большинство ученых сходятся во мнении, что синонимия представляет собой частую микросхему языка, которая характеризуется своими собственными отношениями и тем, что входит в качестве составной части в лексическую систему языка в целом.

В своем исследовании, В.Г. Вилюман, подробно разбирая все признаки синонимии, приходит к выводу, что необходимыми и достаточными для признания слов синонимии являются общие этим словам семантические и функциональные признаки, а проблема синонимии сводится к выявлению на основе сочетаемости слов сходств и различий, схождений и расхождений в их значениях и функциях [4, с. 78]. Правомомерность такого подхода к явлению синонимии подтвердилась в ряде работ известных ученых. Проблемы сопоставительного изучения лексики в различных языках нашли отображения в работах А.В. Щербы, Р.А. Будагова, В.Г.

Гака, Б.А. Успенского, В.Н. Ярцевой, Ш. Балли, С. Ульмана и др.

Понимание сущности синонимических отношений тесно связано с пониманием сущности и структуры языкового значения слова. В теории лексикологии известны различные способы трактовки семантической структуры слова.

Два слова считаются семантически смежными друг другу, если дается их словарное истолкование одного через другое. Глубокому проникновению в сущности языковых явлений, их характера и законов развития способствует сопоставление этих явлений в двух и более языках.

Глаголы, входящие в один синонимический ряд, могут обладать разными сочетаемостными ограничениями. Они могут быть лексическими, семантическими или референционными. Лексическое сочетаемостное ограничение проявляется в том, что синоним может употребляться только с определенным кругом слов. Глагольные синонимы практически не обладают таким видом сочетаемостного ограничения, но все же можно привести пример, подходящий данному виду: из двух синонимов *creep* и *crawl* «ползать» последнее, например, предпочтительнее использовать с названием существ, лишенных конечностей, змей, червяков и т.п. Например: *The snakes **crawled** around the tree.* – «Змеи ползали вокруг дерева».

В отличие от этого, семантическое сочетаемостное ограничение задается указанием определенного семантического признака, которым должно обладать слово, вступающее в синтаксическую связь с данным словом.

В ряду *escape, flee, fly, abscond, decamp* «бежать» первые три синонима обладают более широкой сочетаемостью, чем *abscond* и *decamp* «бежать», так как субъектами соответствующих действий могут быть как люди, так и животные. Например: *His best two dogs escaped from the camp.* – «Его лучшие две собаки бежали из лагеря»; *The dog fled into the forest.* – «Собака убежала в лес».

Между тем, субъектами действий *abscond* и *decamp* «бежать» могут быть только люди.

Более сложно выглядят референционные сочетаемостные ограничения. Примером таких ограничений служит ряд таких глаголов, как *reach, achieve, gain, attain* «добавляться». Типичными для этих синонимов являются такие сочетания с существительными, обозначающими цель или результат действия, как: *to reach / to achieve, to gain, to attain / one's aim [the object of one's desires, success, fame]* – «достигать одну цель [предмет одного желания, успеха, славы]», *to reach an understanding [an agreement]* – «достигать понимания [соглашения]». Приведем еще несколько словосочетаний:

to achieve a reputation for being rude – «добиться репутации за грубость»,

to achieve the realization of a dream – «реализовать мечты»,

to gain / to attain / the attention of the clerk [the confidence of the mountain people] – «получить внимание клерка [доверие горцев]».

Любопытно, что в последних примерах с глаголами *gain* и *attain* «добавляться» их нельзя заменить синонимами *reach, achieve* «добавляться». Например, сочетание *to reach / to achieve / the attention of the clerk [the confidence of the mountain people]* неправильны, а не просто отличаются по смыслу. Присматриваясь внимательнее к существительным *attention* и *confidence* «добавляться», способным в роли прямого дополнения при *gain* и *attain* «добавляться», но не при *reach* и *achieve* «добавляться», мы замечаем следующую интересную особенность соответствующих фраз. Например, субъект состояния, обозначаемого словом *attention* или *confidence* «добавляться», не совпадает с субъектом действия, обозначаемого глаголами *gain* и *attain* «добавляться», то есть внимание клерка привлекает не сам клерк, а другое лицо, и доверие горцев завоевывает кто-то, отличный от горцев.

Однако глаголы *gain* и *attain* «добавляться», способны сочетаться с существительными, обозначающими такие состояния, свойства, ситуации, субъекты которых совпадают с субъектами соответствующих действий: в случае *to gain / to attain / one's aim [success, glory]* субъект действия *gain / attain* – одно и то же лицо. Теперь мы можем сформулировать референционное сочетаемостное ограничение для глаголов *reach* и *achieve* «добав-

ляться». Они не сочетаются с названиями состояний, субъекты которых не совпадают с субъектами обозначаемых или действий.

Похожее различие представлено в паре синонимов *condescend – deign* «снисходить», где *condescend* «снисходить» сочетается как с названием действия или свойства, субъект которого совпадает с субъектом *condescend* «снисходить», так и с названием свойства или состояния субъект которого не совпадает с субъектом *condescend* «снисходить». Например: *his condescend smile* – «его снисходительная улыбка», *to condescend to smb's folly* – «обращать внимание на чужие глупости». Между тем, *deign* «снисходить» сочетается только с названиями собственных действий или свойств субъекта. Например: *He didn't deign to smile, he didn't deign to their folly.* – «Он не соизволил улыбнуться, он не соизволил их глупость» [5, с. 96].

Сочетаемостные различия между синонимами, подобно конструктивным различиям, могут быть мотивированными и немотивированными. Например, при рассмотрении синонимов *surprise* «удивлять», *amaze* «изумлять», и *astound* «поражать» можно заметить, что они различаются, в частности, по признаку степени чувства. Все три могут сочетаться с обстоятельствами меры, однако *surprise* «удивлять» сочетается с любыми обстоятельствами этого класса. Например: *He was a little [not a little, very much] surprise.* – «Он был немного [не мало, очень] удивлен».

В вышерассмотренном случае сочетаемостные различия выводятся из различий в значениях синонимов. Однако даже сочетаемостные различия могут быть семантически немотивированными. Рассмотрим еще несколько примеров сочетаемостных различий между синонимами. Например, *gather* «собираться» отличается от своих синонимов *assemble* и *congregate* «собираться» тем, что субъектом *assemble* и *congregate* «собираться» могут быть только живые существа, а субъектом *gather* «собираться» – любые перемещающиеся предметы. Например: *The clouds are gathering, it will rain.* – «Тучи собираются, будет дождь» [1, с. 156].

Ponder, meditate и *ruminate* «размышлять» сочетаются с названиями ситуаций, свойств, продуктов мысли в качестве объекта размышлений. Например: *to ponder / to meditate / upon the course of actions* – «размышлять о курсе действий», *to ruminate over the past* – «размышлять над прошлым», *to ponder / to meditate, to ruminate / the point* – «размышлять о точке».

Глаголы *ponder* и *meditate* «размышлять» сочетаются с названием лица в качестве объекта размышлений, что характерно для *ruminate* «размышлять». Например: *He pondered on modern young men.* – «Он размышлял о современных молодых людях»; *He meditated on all those people and the things they represented in his life.* – «Он размышлял о всех этих людях и вещах, которые представлены в его жизни» [6, с. 123].

Depress, oppress и *weigh down (upon)* «угнетать» сочетаются с названиями чувств, действий,

свойств в качестве причины угнетенного состояния. Например: *A feeling of isolation depressed her.* – «Чувство изоляции угнетало ее»; *She was oppressed by fear.* – «Ей было неловко из-за страха»; *She was weighed down by the heat.* – «Ее угнетало тепло».

Кроме того, *depress* и *oppress* «угнетать» сочетаются с названиями конкретных вещей и существ в той же роли, что не характерно для *weigh down (upon)* «угнетать». Например: *The Dim's room oppressed her.* – «Комната Димы угнетала ее»; *She depressed me.* – «Она угнетает меня» [3, с. 34].

Таким образом, в нашей работе сделана попытка осветить некоторые аспекты, касающиеся теории синонимии и функционирования глагольных синонимов.

Наши исследования показали, что глагольные синонимы не обладают сочетаемостным ограничением, не все глаголы можно заменить синонимами, и сочетаемостные ограничения между синонимами могут быть как мотивированными, так немотивированными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: учеб. пособие для студентов. – М.: Дрофа, 1999. – 377 с.
2. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. – М.: Просвещение, 1966. – 186 с.
3. Будагов Р. А. Очерки по языкознанию. – М.: Просвещение, 1998. – 267 с.
4. Виллюман В.Г. Английская синонимика. Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов. Библиотека филолога. – М.: Высшая школа, 1980. – 128 с.
5. Ильиш Б. А. Современный английский язык. Изд-во лит-ры на иностранных языках. – М.: Дело, 2005. – 416 с.
6. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. – М.: Языки, 2005. – 316 с.

NOMINATION CLASSIFICATION OF THE PLANT WORLD IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT (BASED ON THE WORKS OF THE ADYGHE WRITERS)

Khatkhe A.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Chitao I.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Autleva F.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Khuazheva N.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Tesheva M.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Shkhalakhova R.

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

КЛАССИФИКАЦИЯ НОМИНАЦИЙ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АДЫГЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

Хатхе А.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Читао И.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Аутлева Ф.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Хуажева Н.Х.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Тешева М.М.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Шхалахова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.

Abstract

The paper describes nominations of the plant world in the linguoculturological aspect which are in use for description of interconnection human and nature in folk and work of arts. From a position of cognitive linguistics and linguistics culturology linguistics culturological classification of vegetable kingdom nominations are worked out which is presented in Adygh writers' work of arts. Through the heroes' relation to nature Adygh writers put into words the state of soul, perception of the world, philosophy of life.

Аннотация

В статье рассматриваются номинации растительного мира в лингвокультурологическом аспекте, которые служат для описания взаимосвязи человека и природы в фольклорных и художественных произведениях. С позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии составлена лингвокультурологическая классификация номинаций описаний растительного мира, представленная в произведениях адыгейских писателей. Через отношение персонажа к природе адыгейские писатели выражают состояние души, мироощущение героев, философию их жизни.

Keywords: Ethnocultural tradition, mythology, folklore, semantic parameters, phytonimical symbol, role and function of landscape, artefact, artistic conception, vocabulary semantic, classification, nomination of reals.

Ключевые слова: Этнокультурные традиции, мифология, фольклор, семантические параметры, фитонимический символ, роль и функции пейзажа, артефакт, художественная концепция, лексико-семантическая классификация, номинация реалий.

Кавказ – часть глобального мира. Учитывая, что Кавказ – горная территория, следует помнить, что взаимодействие природы и человека имеет свою специфику. Население этого региона исторически окружено исключительно богатой природой. По словам Л. Гумилева, «каждый этнос входит в биоценоз своего географического региона» [1, с. 29].

Как любая горная территория, Кавказ является домом крайне оригинальных и ценных цивилизаций. В Хартии горных народов отмечается, что мифы, порожденные этими цивилизациями, ценности, на которых они основаны, их социальные и экономические структуры обнаруживают глубокий отпечаток географического положения. Они также породили культуры, оригинальные и долговременные, как результат их территориальной обособленности, благодаря которой происходило их изолированное развитие [2, с. 19].

Диалогичность природы и человека, что составило основу этнокультурных традиций, определяла значимость природы, занимала высокое место в ценностной системе жизни Кавказа. В его социокультурном пространстве этнокультурные традиции определяли характер отношения человека к природе.

В мифологии и фольклоре адыгов особое место занимает мировое дерево, которое выступает как "растительная" модель мира по вертикали, в которой отражены основные элементы мироустройства, выражающие структуру мироздания, совершенство движения от хаоса к космосу, к упорядочению мира. Мировое дерево или древо жизни также символизирует космологическое представление адыгов о трехчастном делении вселенной на зоны: верхняя (ветви) – небесный мир, средняя (ствол) – земной мир, нижняя (корни) – подземный мир. В адыгской мифологии мировое древо выступает в образе огромной чинары или в виде золотого дерева (яблони) с ярко выраженными символами плодородия и относится к универсальным мифологемам. В славянском фольклоре, в адыгейском, и вообще кавказском центральное место занимает

дуб как фитонимический символ. Он наиболее почитаем из всех деревьев, отличается могучим стволом, кроной, корнем, твердой древесиной и своим долголетием. Видимо, не случайно и то, что это единственное исконное название дерева, зафиксированное во всех кавказских языках. Дуб – это символ величия, силы, могущества, устойчивости, часто используемый в сравнениях во всех стилях речи и во всех жанрах и фольклора, и художественной литературы [4, с. 56].

Как пишут М.А. Кумахов и З.Ю. Кумахова, «эпические сказания о нартах донесли до нас культовый характер дуба, его семантические параметры в более целостной форме, отражая архаичные религиозно-мифологические представления древнеадыгских племен» [5, с. 115].

Интереснейшим объектом для художественного анализа на протяжении многих десятилетий является наследие адыгейских писателей. Однако, существует очень мало лингвистических трудов, выявляющих роль и функции пейзажа в произведениях адыгейских писателей как отражение творческой индивидуальности писателей. Одно из самых ярких художественных средств, которыми пользуются адыгейские писатели, – это изображение героев в непосредственной связи с окружающим миром. Их произведения дают большие возможности для поиска и анализа специфики взаимоотношений человека и природы. Изучив характер взаимосвязи героев с окружающей средой, мы выявили художественную концепцию ряда писателей и составили лексико-семантическую классификацию, включив в нее также лингвокультурные составляющие. В эту классификацию входят роль природы, сравнение растений с артефактом, олицетворение растений, традиции, связанные с растениями, отношения между человеком и растениями, сравнение растительного и животного мира, сравнение человека с растениями и наоборот сравнение артефакта с растениями, сравнение растения с другим растением, влияние человека на растения, сакральное в растениях, влияние растений на человека, сравнение произведения искусства с растениями и наоборот,

противопоставление человека и растений, выводы, делаемые по состоянию растительного мира, сравнение растений с неживой природой. Приведём несколько примеров.

Мэзи, гэххуни зклэ дунаер кьэгъагъэу кьызэкъуихыштыгъэ. Гэххунэу апэ кьифхэрэр, алрэгъу кьолэным фэдэу, нэр нлэпахэу кьэгъагъэм зэлыштыгъэх. ... Мэз лушъо-лъашъохэм чьыгыкIэ-тхьапакIэхэр нэм кьыкIэджагоу папцIэу тыгъэм пэлыдыштыгъэ. Мэз чIэгъыр, тыгъэ нэбзый цэбзащэхэмкIэ пхырылыкIыгъэу [6, с. 399].

Вся могучая растительность Закубанья бурно расцветала. Попадавшиеся на пути небольшие поляны были покрыты сплошным ковром из цветов.... На опушках под лучами восходящего солнца искрилась и переливалась молодая зелень [7, с. 325].

Для автора, как мы видим из данного отрывка, восхваление красоты родной земли играет немаловажную роль. В данном фрагменте описание природы имеет субъективно-оценочный характер: автор сравнивает поляну с ковром, а молодая зелень, искрящаяся и переливающаяся, наделяется позитивными качествами. В художественном произведении природа оказывает сильное эмоциональное воздействие. Через картины природы автор выражает состояние души, мироощущение геоев, философию их жизни.

ИбжэнакIэм фэдиз псэзехъэ цIыкIум чьыг тхьэпэ шьыгъэми шъоу кьыхехымэ, илэсишъэ хъугъэу орыжъым хэишъхэрэ чьыг ебэджыгъэр кьэгъэтэдджыжъынышъ, идахэ сIозэ, сеубзэзэ, Iэ щысфэзэ, лъапсэ езгъэдзыжъын, кьутамэ езгъэшIыжъын, тхьапэ кьыпызгъэкIэжъын, икьэгъагъэхэр пымытэкъужьхэзэ, илэрысэхэр кьыпызгъэзыных [10, с. 96]. Если это созданыще величиной с ноготок моего мизинца может добывать мед даже с поверхности стареющего древесного листка, почему бы мне не поднять из болотного тлена ствол уже сто лет гниющего дерева, очистив его от грязи и тысяч червей и насекомых, приласкать нежными добрыми словами, вернуть ему ветви и зеленые листья, чтобы оно снова зацвело и одарило животворящими плодами? [11, с. 99-100].

Одной из особенностей авторского стиля Н. Куека является использование пейзажных зарисовок. Эмоциональным подтекстом произведения писатель подчеркивает напряженность действия и символическую выразительность.

Таким образом, в кавказском социокультурном пространстве этнокультурные традиции определили характер отношения человека к природе. В мифологии и фольклоре адыгов культ дерева занимает особое место как символ величия, силы, могущества и долголетия. В статье выявлены роль и функции пейзажа в произведениях Т. Керашева, Н. Куека как отражение творческой индивидуальности писателя. Работа над текстами позволила выявить лингвокультурологическую классификацию номинаций растительного мира, состоящую из 18 разновидностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – СПб., 2003.
2. Хартия горных народов // Горы Евразии. Известия. Приложение. 2000. № 2.
3. Федоренко Е.Л. Место фитонимической символики в русском фольклоре // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Материалы Всерос. науч. конф. – Майкоп, 2002. С.170.
4. Хазбулатов Б.А. Фитонимы в чеченском языке: синхронно-диахронный анализ: Дис. ... докт. филол. наук. – Грозный, 2004. 380 с.
5. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. – М.: Наследие, 1998. 312 с.
6. Клэрэцэ Т. ХэшыпыкIыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылъищ. Ятлонэрэ тхылъ. – Мыекъяупэ, 1988.
7. Керашев Т.М. Дочь шапсугов // Избранное. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1997. 600 с.
8. Къуекъо Н. Щымылэжъхэм ясэнебжъ. Къэбар заулэ зэхэт роман. – Мыекъяупэ, 2005.
9. Куек Н.Ю. Вино мервых. Роман в новеллах. Автоперевод с адыг. яз. – Майкоп, 2002. 296 с.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANTHROPOMORPHIC COMPONENT (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Khatkhe A.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Chitao I.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Autleva F.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Khuazheva N.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Tesheva M.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Shkhalakhova R.

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С АНТРОПОМОРФНЫМ КОМПОНЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Хатхе А.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Читао И.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Аутлева Ф.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Хуажева Н.Х.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Тешева М.М.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Шхалахова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.

Abstract

The paper examines phraseological units with an anthropomorphic component. Phraseological expressions are an important part of everyday speech, and knowledge of them is necessary when we teach a foreign language, so they give speech expressiveness, imagery, laconicism. The study has shown that analyzing them, one can trace the history of the country, partially get acquainted with its customs and traditions, and get an idea of the mentality of the people who speak the language.

Аннотация

В статье рассматриваются фразеологические единицы с антропоморфным компонентом. Фразеологические выражения являются важной частью повседневной речи, и знание их необходимо при обучении иностранному языку, так как они придают речи выразительность, образность, лаконичность. Исследование показало, что анализируя их можно проследить историю страны, частично ознакомиться с ее обычаями и традициями, получить понятие о менталитете народа, говорящего на языке.

Keywords: phraseology, idioms, anthropomorphic component, constituent components, synonymous, antonymic.

Ключевые слова: фразеология, идиомы, антропоморфный компонент, составные компоненты, синонимичный, антонимичный.

Фразеология считается неотъемлемой частью любого языка. Она представляет собой огромное культурно-историческое наследие, в ней выражается живость языка, связь времен, особенности менталитета людей, для которых этот язык является родным. Термин «фразеология» в буквальном смысле означает «учение об оборотах речи», это раздел лингвистики, изучающий устойчивые выражения, идиомы в их современном виде и историческом развитии [3, с. 244]. Английская фразеология обширна, разнообразна и выразительна.

Идиомы (от греч. *Idioma* – особенность, своеобразие) – образные выражения, смысл которых невозможно понять посредством дословного перевода составных компонентов. Термин «идиомы» впервые был введен английским лингвистом Л. Смитом. Идиомы отличаются от фразеологизмов неделимостью, при их употреблении не допускается инверсия или замена каких-либо компонентов синонимичными или антонимичными. Реально существующее идиоматическое выражение будет иметь смысл только в том случае, если будет употреблено в исконном виде без каких-либо преобразований. В русском языке идиомами можно назвать такие выражения как «бить баклуши», «с красной строки», «вверх тормашками» [4]. Смысл каждого из этих выражений корнями уходит далеко в прошлое.

Идиома как языковая единица имеет одинаковое значение как для русской фразеологии, так и для английской. Аспекты исследования, изучения и употребления идиом в каждом из языков очень схожи. Различие состоит в происхождении и употреблении конкретных выражений.

Родоначальником теории фразеологии считается швейцарский лингвист Шарль Балли (1865–1947). Он занимался, в основном, проблемами французской фразеологии. В своих исследованиях он впервые затронул такую важную проблему, как классификация и систематизация фразеологических единиц. Впоследствии в этом направлении работали многие российские и зарубежные ученые.

Итак, одной из основных проблем современной фразеологии является проблема классификации фразеологических единиц. Этим вопросом занимались Ш. Балли, Ю.А. Гвоздарев, В.В. Виноградов, А.В. Кунин, Л. Смит. Классификация, предложенная Ш. Балли, включает в себя такие структурные единицы, как свободные словосочетания, привычные сочетания, фразеологические ряды и фразеологические единства. Ю.А. Гвоздарев построил свою классификацию, основываясь на лексических и смысловых отношениях между компонентами, входящими в состав фразеологических выражений. В.В. Виноградов и А.В. Кунин классифицировали фразеологизмы, уделяя особое внимание частям речи, с которыми они соотносятся. Л. Смит разделил фразеологизмы по принадлежности к одной из следующих смысловых групп: явления природы, животные, искусство, профессии, религия [2, с. 178]. И по сей день наблюдается активная научная деятельность в отношении проблемы си-

стематизации фразеологических единиц, но универсальной классификации все еще не существует. На наш взгляд, самой удобной является тематическая классификация, так как она позволяет облегчить и упростить поиск нужных выражений в словаре или на веб-сайте как для изучающих язык, так и для его носителей, а также дает более полное, в сравнении с другими классификациями, представление об особенностях фразеологии языка.

Одна из найденных нами классификаций включает в себя следующие пункты:

1. Именные идиомы.
2. Глагольные идиомы.
3. Атрибутивные идиомы.
4. Наречные идиомы.
5. Модальные идиомы.
6. Междометные идиомы.
7. Связочные идиомы.
8. Сравнивающие идиомы.
9. Двойные идиомы.
10. Идиомы, описывающие людей.
11. Идиомы, описывающие чувства и настроение.
12. Идиомы, связанные с частями тела.

Далее мы более подробно рассмотрим типы идиом с антропоморфным компонентом. В данной работе выделено всего 3 таких типа: идиомы с компонентом голова, идиомы с компонентом части тела и идиомы с компонентом сердце.

В идиоматике английского языка нередко встречаются выражения, которые при переводе на русский язык имеют большое сходство с эквивалентными им по значению русскими выражениями. Причины таких совпадений это, во-первых, существование общих источников возникновения схожих идиоматических выражений, во-вторых, возможность заимствования тех или иных идиом в результате взаимодействия двух культур, в-третьих, сходство менталитетов в некоторых случаях, в-четвертых, исторические причины. Некоторые идиомы английского языка, в которых основным составляющим является слово «голова», так же имеют русские эквиваленты.

К примеру, *bury our heads in the sand* соответствует русскому «прятать голову в песок». Как в русском, так и в английском языке это выражение употребляется в отношении человека, который хочет абстрагироваться от окружающего мира, бежать от действительности. Этот фразеологизм является заимствованным в обоих языках, так как своим появлением он обязан наблюдениям за страусами, а эти птицы ни на одной из территорий носителей рассматриваемых языков не живут.

Приведем еще несколько примеров английских идиом, имеющих практически полные аналоги в русском языке:

1. *Mess in my head* соответствует русскому «путаница в голове».
2. *Come to mind* переводится как «приходить на ум».
3. *Lose your head* используется для описания состояния человека, который потерял равновесие и

контроль над собой, также почти дословно переводится на русский как «терять голову».

4. *Be banging your head against a brick wall* описывает ситуацию, когда человек словами или действиями безуспешно пытается изменить ситуацию; русский эквивалент – «биться головой об стену».

Теперь рассмотрим идиомы с компонентом «голова», которые не имеют четких русских аналогов.

1. *Shout/scream your head off* в переводе на русский язык означает «кричать во всю глотку», «вопить что есть мочи».

2. *Unruly member* еще одна популярная идиома, используется, когда говорится об очень болтливом человеке.

3. *A level head* – «хладнокровие, здравомыслие».

4. *To hit the nail on the head* – «попасть в точку».

5. *To keep one's ear to the ground* – «держат ухо востро».

6. *Let your hair down*. Эта идиома интересна историей своего появления. В XVII веке женщины часто носили сложные высокие прически, поэтому вечером, расплетая волосы, они чувствовали облегчение и расслабление. В наши дни это выражение используется в значении «расслабиться», «вести себя непринужденно» [5].

Теперь рассмотрим идиомы с компонентом туловище, части тела. Вначале несколько примеров с историей происхождения.

1. *To live from hand to mouth*. В прошлом и в настоящем значение этого выражения практически одинаково. В тяжелые исторические времена, когда людям приходилось терпеть голод, вся еда, что им каким-то чудом доставалась, отправлялась из рук сразу в рот. Отсюда значение этой идиомы – «еле сводить концы с концами», «жить впроголодь».

2. *Give the cold shoulder*. В Англии непрошеных гостей угощали холодным мясом – cold mutton shoulder. Поэтому значение данного фразеологизма – «холодно», «безразлично отнестись».

3. *To pull someone's leg*. Выражение зародилось в то время, когда улицы Лондона и других больших городов были очень грязными. Пользовалась популярностью шутка, когда палкой с крюком на конце «подставляли ножку» какому-либо неприятному человеку, и он падал лицом в грязь. Идиома переводится на русский язык как «морочить голову», «безобидно обманывать».

Сердце является особым символом во многих культурах. В русской культуре оно ассоциируется с чувствами, это центр всего человеческого, в то время как в английской культуре сердце – лишь сосредоточение эмоций.

1. *Cheer (rejoice, warm) the cockles of one's heart* – «радовать кого-то» (эмоция «радость»).

2. *Lie (heavy) at smb's heart* – «обременять сердце» (эмоция «беспокойство»).

3. *Set one's heart at rest* – «успокоиться, перестать волноваться» (эмоция «покой»).

4. *It makes the heart bleed* – «сердце кровью обливается».

5. *In the fullness of one's heart* – «невыносимо тяжело от душевной боли».

6. *Win smb's heart* – «добиться любви», здесь сердце также связано с романтическими чувствами.

7. *With all one's heart* – «всем сердцем, искренне».

8. *One's heart goes out to* – «от всего сердца сочувствовать кому-то».

Большинство вышеперечисленные идиом имеют русские эквиваленты, являющиеся практически дословным переводом. Такое большое количество совпадений объясняется универсальностью данных слов-символов, общностью ассоциативно-образного мышления и наличием общих логико-фразеологических идей у носителей английского и русского языков [1, с. 34].

Интересны так же идиомы, не подчиняющиеся общим правилам употребления идиом и допускающие подстановку других слов. Например, в следующих идиомах слово «сердце» легко можно заметить словом «душа»:

1. *Pure in heart (soul)* – «чистый душой» (дословно – «чистый сердцем»), то есть истинный, с чистой совестью.

2. *To do smth to one's heart content* – делать что-либо, сколько душа (сердце) пожелает.

Исторический анализ идиом показывает, что некоторые из них практически не меняют своего значения с течением лет, другие же приобретают совсем иной смысл в сравнении с исходным. Примером может служить выражение *wear one's heart on one's sleeve*. Легенда гласит, что средневековые рыцари завязывали на рукаве ленту, подаренную дамой сердца. Таким образом, они буквально «носили сердце на рукаве». Сегодня же мы используем эту идиому, говоря о человеке, который открыто показывает свои эмоции [2, с. 145].

Английская фразеология очень богата, и у нее многовековая история. Современный английский язык является языком аналитическим. Повышенный аналитизм английского языка пронизывает всю английскую фразеологию, влияет на структуру фразеологизмов.

Что касается страноведческой ценности идиоматических выражений, то она заключается в неоспоримой достоверности их содержания. Анализируя их можно проследить историю страны, частично ознакомиться с ее обычаями и традициями, получить понятие о менталитете народа, говорящего на языке.

Идиоматические выражения – это важная часть повседневной речи, и знание их абсолютно необходимо при обучении иностранному языку, так как они придают речи выразительность, образность, а часто отточенную изящную лаконичность.

Важность идиом, что они существуют в любом слое речи (литературной, разговорной и т.д.), пронизывают и наполняют весь язык. Идиомы – плоть от плоти языка, его повседневное творчество, в которое вовлечены большинство говорящих на этом языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алехина А.И. Идиоматика современного английского языка [Текст] – Минск, 1982.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
3. Мордкович Э.М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов: Актуальные проблемы фразеологии [Текст] – Новосибирск, 1971. – С. 244-245.

4. Современные проблемы английской фразеологии [Электронный ресурс] – режим доступа https://infourok.ru/sovremennye_problemy_angliyskoy_frazeologii-419603.htm, свободный.
5. Кембриджский словарь [Электронный ресурс] – режим доступа <https://dictionary.cambridge.org/>, свободный.

“POLYSEMY” AND “BROAD-MEANING” IN ENGLISH COLLOQUIAL SPEECH**Khatkhe A.,***Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Adyghe State University, Maikop;***Chitao I.,***Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages Department, Adyghe State University, Maikop;***Khuazheva N.***Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology Department, Adyghe State University, Maikop.***«МНОГОЗНАЧНОСТЬ» И «ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ»
В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА****Хатхе А.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Читао И.А.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Хуажева Н.Х.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.***Abstract**

The paper deals with the features of the concepts of “polysemy” and “broad-meaning” in the English colloquial speech. The broad-valued nomination is based on the interlocutor’s awareness of the speech subject, which ensures a high rate of conversational speech. Broad-meaning is opposed to polysemy, which, developing due to metaphorical and metonymic derivation from the primary meaning, is not reduced to a single meaning.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности понятий «многозначность» и «широкозначность» в разговорной речи английского языка. В основе широкозначной номинации лежит информированность собеседника о предмете речи, что обеспечивает высокий темп разговорной речи. Широкозначность противопоставляется многозначности, которая, развиваясь за счёт метафорической и метонимической деривации от первичного значения, не сводится к единому значению.

Keywords: polysemy, broad-meaning, colloquial speech, metaphorical and metonymic derivation.

Ключевые слова: многозначность, широкозначность, разговорная речь, метафорическая и метонимическая деривация.

Явление широкозначности всегда привлекало внимание многих лингвистов (Н.Н. Амосова, В.Я. Плоткин, Л.Я. Кудрявцева и др.).

Успешное изучение широкозначности требует определение места этого лексико-семантического явления в языковой системе. По определению Э.Я. Медниковой, словами широкой семантики называются такие, которые соотносятся с понятиями, отражающими объективную действительность в максимально обобщённом виде [7, с. 11].

Категория слов широкой семантики, как и другие лингвистические явления, неоднородна. Она

характеризуется степенью признака. В данном случае это означает, что степень лексической абстракции в них достигает разного уровня. Таких слов в английском языке, как и в других языках, немного, но они играют весьма существенную роль в функционировании языка.

Н.П. Кудрявцева пишет о том, что широкое значение слова иногда расчленяют на несколько семантических сегментов, которые затем исследуют по отдельности. Такая трактовка типична для мно-

гозначных слов, которые в одном из своих значений относятся, например, к одушевлённым именам, а в другом – к неодушевлённым [4, с. 45].

Справедливо отмечает Т.В. Жукова, что широкозначности присуще закрепление в сигнификативе минимального количества признаков, о чём свидетельствует невозможность их разложения на дифференциальные признаки [3, с. 90].

А.Н. Степанова и Л.Ф. Кистанова утверждают, что систематическая реализация такой инвариантной информации даёт возможность противопоставить широкозначность многозначности, которая, развиваясь за счёт метафорической и метонимической деривации от первичного значения, распадаясь на отдельные семантические сегменты, не сводится к единому значению [9, с. 113].

По мнению А.С. Кузякина, широкозначности всегда сопутствует широта дистрибутивного диапазона слова, которая может охватить существенно различные синтаксические модели. Так, у английского широкозначного глагола *get* трём синтаксическим моделям – с прямым дополнением (*get a book*), с предикативным членом (*get rich*), с обстоятельством места (*get home*) приписывают три разных значения: «получать», «становиться», «достигать» [5, с. 76]. Безусловно, в контексте данного высказывания широкое значение всегда сужается, конкретизируется, и, как справедливо отмечает Н.Н. Амосова, широкозначному слову присуще лишь одно значение, а не много разных, невозможно говорить об элиминации каких-либо его значений в контексте [1, с. 34].

И.С. Лотова считает, что вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической однозначности, когда широкозначные слова выступают в служебных функциях, в частности, как связочные и вспомогательные глаголы. Лексическая широкозначность в этих случаях создаёт условия для употребления данных слов как вспомогательных служебных слов: например, «one» – как именной, «do» – как глагольный заместитель: *Give me the blue one.* – «Дай мне синий»; *You run faster than I do.* – «Ты работаешь быстрее, чем я». Таким образом, здесь на первый план выходит грамматическое, а не логическое значение этих слов [6, с. 56].

По мнению Н.П. Кудрявцевой, существительные с широким лексическим значением употребляются для суммарного обозначения различных понятий и не являются специфической чертой английского языка, но в силу особенностей грамматического строя английского языка анализ их функций в английском языке представляет большой интерес [4, с. 58].

Р.Р. Николаевская исследует особенности функционирования слова *thing* широкой семантики и отмечает, что при реализации широких вариантов значений этого существительного предмет референции может раскрываться путём установления семантических связей с другими лексическими единицами того же предложения, имеющими более конкретные лексические значения [8, с. 50]:

She laughed at all silly normal things of life: shaving, bathing, dressing, toast burning [11, с. 98].

Она смеялась над всеми глупостями нормальной жизни: бритьё, умывание, одевания и еда.

Это условие не является обязательным, так как в ряде случаев вариант значения восстанавливается из широкого контекста или ситуации.

Things are never as bad as they seem [10, 76].

Всё не так плохо, как кажется.

Существительное широкой семантики *thing* обладает лишь сигнификативным значением вещиности и способностью включать в свой смысловой объём любое лексическое значение любого другого существительного. По этой же причине в каждом употреблении оно либо реализует прямое значение, когда соотносится с определённым денотатом, либо реализует грамматическое значение существительного.

В основе широкозначной номинации лежит информированность собеседника о предмете речи, что обеспечивает высокий темп разговорной речи, в чём проявляется их специфика в функциональном плане.

Как отмечает В.Г. Гак, широкозначные номинации в зависимости от обозначаемого объекта могут быть элементными и событийными [2, с. 18].

Элементная номинация обозначает: предмет, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект:

... And she's actually begun knit little things – reins and baby blankets for fairs and hospitals. And she's so interested and so glad to think she can do it!... [12, с. 39].

...И она действительно начала вязать всякие мелочи и детские одеяла для приютов и больниц. И она это делает с таким интересом, кто бы мог подумать...

Событийная номинация обозначает: событие, факт, объединяющий ряд элементов:

I see perfectly what you are driving at, Monsieur Poirot. You think, to put it vulgarly, that I stole my friend's young man. Looking at the matter sentimentally... – that is possibly true [12, с. 56].

Я прекрасно понимаю, к чему вы клоните, мсье Пуаро. Вы думаете, выражаясь вульгарно, что я украла молодого человека моей подруги. Взгляните на это сентиментально – это возможно так.

По внешней форме в разговорной речи различаются следующие характерные типы широкозначной номинации:

1) эквивалентная номинация – замещение одного элемента ситуации широкозначной лексемой (*the broom* «метла» – *the thing* «вещь»);

2) развёрнутая номинация – замещение одного элемента ситуации широкозначной лексемой с детерминантом (*gloves* «перчатки» – *god-dam things* «Богом проклятые вещи»);

3) свёрнутая номинация – замещение группы элементов ситуации широкозначной лексемой (*little presents* «маленькие подарки» – *things* «вещи»).

Рассматривая особенности лексики в разговорной речи, исследователи отмечают тенденцию к диффузности значения, а вследствие этого к расши-

рению семантики слова. В число слов широкой семантики входят существительные *stuff, matter, point, thing* и глаголы *go, do, get, set, be, have, take, make*. В основном это слова с простой морфологической структурой, вобравшие в себя больше разнообразных признаков, чем слова с осложнённой морфологической структурой.

Таким образом, широкозначные слова составляют характерную особенность лексического состава разговорной речи и способствуют языковой экономии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амосова Н.Н. Вестник ЛГУ. – Л. 1959. Вып. 2. – № 8. – 127 с.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. – М. 1977.
3. Жукова Т.В. К вопросу об определении в парадигматическом аспекте слов с наиболее общими лексическими значениями // Вопросы языкознания. 1987. – № 2. – С. 89-92.

4. Кудрявцева Н.П. К типологической характеристике широкозначной номинации в английской разговорной речи. – Горький, 1987.

5. Кузякин А.С. Роль широкозначных глаголов в речевом. – Саранск, 1989.

6. Лотова Н.С. Синтаксические структуры с десемантизированным существительным *thing* в современном английском языке (к проблеме заместительной функции существительных). – М., 1937. – 94 с.

7. Медникова Э.М. Семантика слова. Новые аспекты. – Калинин, 1989.

8. Николаевская Р.Р. Иностранные языки в школе. – М., 1981. – № 6. – С. 46-52.

9. Степанова А.Н., Кистанова Л.Ф. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка). – Л., 1990.

10. Hemingway E. First Forty - nine Stories. – М., 1994.

11. Hailey A. Airport. – М., 2009.

12. Cristie A. And then there were none. – М., 2001.

THE PRONOUN AS AN INTEGRAL PART OF EACH LANGUAGE

Khatkhe A.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Chitao I.,

*Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Autleva F.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Khuazheva N.,

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;*

Shkhalakhova R.

*Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

МЕСТОИМЕНИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КАЖДОГО ЯЗЫКА

Хатхе А.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Читао И.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Аутлева Ф.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Хуажева Н.Х.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;

Шхалахова Р.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.

Abstract

The paper considers pronouns which are an integral part of every language, replace a noun or adjective, and do not have a clear definition. The research has shown that they are used to avoid repetition, as well as to shorten speech.

Аннотация

В статье рассматриваются местоимения, которые являются составной частью каждого языка, заменяют существительное или прилагательное, и не имеют четкого определения. Исследование показало, что они используются для избежания повторения, а также для сокращения речи.

Keywords: pronoun, noun, adjective, personal, possessive, reflexive, reciprocal, demonstrative, interrogative, relative, indefinite.

Ключевые слова: местоимение, существительное, прилагательное, личное, притяжательное, возвратное, взаимное, указательное, вопросительное, относительное, неопределённое.

Местоимения являются составной частью каждого языка. Е.М. Гордон и многие другие учёные отмечают, что дать чёткое определение местоимению трудно, так как местоимения не называют предмет, а только указывают на него [1, с. 76].

Местоимения в английском языке употребляются в следующих функциях: 1) Подлежащего: *He is a doctor. – Он врач.* 2) Именной части сказуемого: *The red pencil is mine. – Красный карандаш мой.* 3) Дополнения: а) прямое: *I have not seen him. – Я его не видел.* б) беспредложное косвенное: *Show me the letter. – Покажи мне письмо.* в) предложное косвенное: *I didn't speak to them. – Я не говорил с ними.* 4) Определения: *I can't find my pencil. – Я не могу найти свой карандаш.*

Существуют следующие классы местоимений: личные, притяжательные, возвратные, взаимные, указательные, вопросительные, относительные и неопределённые. Более конкретно рассмотрим некоторые из них.

В английском языке личные местоимения имеют две формы падежа – именительного и объектного. Личные местоимения в именительном падеже выполняют функцию подлежащего и именной части составного сказуемого. Однако категория рода в английском языке не так развита и выражается в основном с помощью местоимений *she (она)* и *he (он)*. Все неодушевлённые предметы и животные обозначаются местоимением *it (он, она, оно)*. Но иногда *it (он, она, оно)* заменяется на *she (она)*, когда говорящий говорит о чём-то с особым трепетом. Например: *I bought a new car. She is beautiful! – Я купил новую машину. Она прекрасна!*

В журналистике и книгопечатании существует правило, что местоимение *we (мы)* употребляется вместо *I (я)*. Например: *We are convinced that the Government has made a grave mistake in imposing this tax. – Мы уверены, что правительство совершает огромную ошибку в установлении этого налога.* Здесь журналист, используя местоимение *we (мы)*, имеет ввиду себя одного.

Местоимение *they (они)* обозначает людей в общем смысле, при этом не указывая каких-то конкретных лиц. Особенно распространена фраза *they say (говорят)*. Например: *They say she is going to resign. – Говорят, она собирается подать в отставку.*

Местоимение *you (ты, вы)* используется как в единственном, так и во множественном числе. Местоимение 2-го лица единственного числа *thou/thee (ты, вы)*, равное по значению *you (ты, вы)*, уже давно вышло из широкого употребления и сейчас встречается лишь в поэзии и прозе. Однако, в некоторых диалектах английского языка данное местоимение используется не только в возвышенной поэзии и прозе, но также в разговорной речи: *thou (you*

– именительный падеж), thee (you – объектный падеж). В Ирландии форма личного местоимения *you* имеет значение только единственного числа, а для множественного числа употребляются формы *yous, yez, yiz.*

Личные местоимения в объектном падеже в предложении выполняют функцию прямого дополнения и беспредложного косвенного дополнения. Например: *He saw me in the street. – Он видел меня на улице.*

Сочетание местоимения в объектном падеже с предлогом *to* является предложным косвенным дополнением и соответствует русскому местоимению в дательном падеже. Например: *He showed the picture to her and not to me. – Он показал картину ей, а не мне.* Сочетание местоимения в объектном падеже с предлогами *by* и *with* является предложным косвенным дополнением, соответствуя русскому местоимению в творительном падеже. Например: *The article was translated by her and not by them. – Статья была переведена ею, а не ими.* Местоимение в объектном падеже употребляется с любыми предлогами, являясь предложным косвенным дополнением и соответствуя в русском языке местоимениям в косвенных падежах с предлогами: *This letter is for you. – Это письмо для вас.* Однако, несмотря на такое чёткое разграничение между личными местоимениями в именительном и объектном падежах, всё чаще в современном английском языке замечаются случаи, когда местоимения в этих двух падежах могут взаимозаменяться. Особенно часто это можно встретить в различных диалектах английского языка.

В афро-американском английском диалекте местоимение в объектном падеже выполняет даже функцию подлежащего в предложении. Например: *Her is a real fool. – Она настоящая дура.*

В некоторых диалектах английского языка в различных графствах Великобритании встречается также употребление местоимения *us* вместо *me (меня, мне)*. *Send us some of them. – Пошли мне некоторые из них.*

Личным местоимениям соответствуют притяжательные местоимения, выражающие принадлежность и отвечающие на вопрос *whose? – чей?* Притяжательные местоимения имеют две формы: основную и абсолютную.

Притяжательное местоимение в основной форме всегда стоит перед существительным без артикля, к которому оно относится: *My pencil is on the table. – Мой карандаш на столе.* Перед притяжательным местоимением могут употребляться слова *all* и *both*: *All my pencils are in that box. – Все мои карандаши в том ящике.*

Во многих диалектах притяжательные местоимения образуются путём добавления форманта родительного падежа *-s* к личным местоимениям как

в именительном, так и в объектном падеже: *we's/us's* (*our* – *наш*), *thoo's/you's* (*your* – *твой*, *vau*), *him's* (*his* – *его*), *she's* (*her* – *её*), *them's* (*their* – *их*).

В восточной Англии *that's* (*его*, *её*) употребляется вместо литературных *his* (*его*), *her* (*её*), *its* (*его*, *её*): *it's/that's tail* – *его* (*её*) *хвост*. Г.А. Вейхман отмечает, что существуют зарегистрированные случаи опущения притяжательного местоимения в художественной литературе: Shultz shook head. – Шульц мотнул головой [2, с. 37].

Местоимение *yours* (*твой*, *vau*) часто используется в конце письма как сокращённая форма выражения. Например: *Sincerely yours*. – *С искренним уважением*. *Truly yours*. – *С уважением*. Часто перед абсолютной формой притяжательных местоимений ставится предлог *of*: *He is a friend of mine*. – *Он мой друг*.

Во многих диалектах английского языка в графствах Великобритании абсолютная форма притяжательных местоимений образуется путём добавления окончания *-n*: *mine* (*мой*), *thine* (*твой*), *hisn* (*его*), *hern* (*её*), *ourn* (*наш*), *yourn* (*ваш*), *theirn* (*их*). Используются так же и двойные формы абсолютных притяжательных местоимений: *mine's* (*мой*), *she'sn* (*её*), *we'sn* (*наш*).

К вопросительным местоимениям относятся *who* (*кто*), *whom* (*кому*, *кого*), *whose* (*чей*), *what* (*что*, *какой*), *which* (*который*), *how* (*как*), *how much/many* (*сколько*). Каждое из этих местоимений выполняет разные функции в предложении. Местоимения *who* (*кто*) и *whom* (*кому*, *кого*) употребляются по отношению к лицам. *Who* (*кто*) употребляется в качестве местоимения-существительного и выполняет в предложении функцию подлежащего или именной части сказуемого: *Who deleted the file from the computer?* – *Кто удалил тот файл из компьютера?*

Местоимение *whom* (*кого*) выполняет функцию прямого дополнения и предложного косвенного дополнения, соответствуя в русском языке местоимению *кто* в косвенных падежах с предлогами. В разговорной речи *whom* (*кому*, *кого*) обычно заменяется местоимением *who*: *Who (whom) did he talk to?* – *С кем он говорил?* Отличить *who* (*кто*) – подлежащее от *who* (*кого*) – дополнения можно по порядку слов: *Who met you there?* – *Кто тебя там встретил?* *Who did you meet there?* – *Кого ты там встретил?*

В качестве местоимения-существительного *what* используется со значением *что* в функции подлежащего или прямого дополнения и со значением *каков*, *какой* в функции именной части сказуемого. *What has happened?* – *Что случилось?* *What* может относиться так же к лицам, когда цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить профессию или должность лица. *What is this man?* – *Кем работает этот человек?* *What* также используется в идиоматических выражениях: *So what?* – *Ну и что?* *He knows what's what*. – *Он знает что к чему*.

В качестве прилагательного *what* (*что*, *какой*) используется со значением *какой* и всегда стоит перед существительным без артикля: *What questions*

did he ask? – *Какие вопросы он задавал?* Сочетание *what kind of* или *what sort of* определяет род/сорт предмета/понятия/действия: *What sort of books does he like?* – *Какого рода книги ему нравятся?*

Whatever имеет идиоматическое значение в современной разговорной речи: *I saw a ghost here last night.* – *Я видел тут приведение прошлой ночью.* *Whatever!* – *Врёшь!*

Which (*который*, *какой*) употребляется с одушевлёнными и неодушевлёнными предметами и используется как местоимение-существительное и как местоимение-прилагательное. В качестве прилагательного *which* (*какой*) выполняет функцию определения, и исключает артикль перед определяемым словом. Например: *Which floor do you live on?* – *На каком этаже ты живёшь?* Отличительная черта *which* (*который*, *какой*) от *who* (*кто*) и *what* (*что*, *какой*) заключается в том, что при использовании *which* речь идёт о выборе из ограниченного, а при *what*, *who* нет ограничения: *Who took my book?* – *Кто взял мою книгу?* *Which of you took my book?* – *Кто из вас взял мою книгу?*

К неопределённым местоимениям относятся *some*, *any*, *no*, *none*, *much*, *many*, *little*, *few*, *all*, *both*, *either*, *neither*, *each*, *every* (+ *его* производные), *other*, *one*.

Местоимение *either* относится к двум лицам или предметам и употребляется со значением *тот или другой* (*любой из двух*, *трёх*, *четырёх* и т.д.). *Either* (*любой*) используется как местоимение-прилагательное и как местоимение-существительное. В качестве местоимения-прилагательного *either* употребляется перед исчисляемым существительным в единственном числе: *You may take either road*. – *Вы можете пойти по любой дороге*. Когда *either* (*любой*) употребляется в качестве местоимения-существительного, после него часто употребляется предлог *of*: *Either of you may go there*. – *Любой из вас может туда пойти*. Значение *either* часто дополняется союзом *or*. *Either... or* означает *или... или*: *You can tell this either to Ann or Alice*. – *Ты можешь сказать это или Анне или Элис*.

Местоимение *neither* является отрицательной формой *either*: *Neither of you can go*. – *Ни один из вас не может пойти*. Значение *neither* часто дополняет *nor*: *Neither you nor your friends will go to the party*. – *Ни ты ни твои друзья не пойдёте на вечеринку*.

Таким образом, местоимения включают в себя различные группы слов, которые в одних случаях используются для избежания повторения, а в других – для сокращения речи. В предложении они функционируют в качестве замены существительному или прилагательному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гордон Е.М., Крылова И.П. A grammar of Present Day English. – М., 1980.
2. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. – М., 1990. – 220 с.

FORMATION OF ADVERBS IN ADYGH, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Khatkhe A.,*Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;***Chitao I.,***Ph. D in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;***Autleva F.,***Ph. D in Philology, Associate Professor of Foreign Languages
Department, Adyghe State University, Maikop;***Khuazheva N.,***Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop;***Shkhalakhova R.***Ph. D in Philology, Associate Professor of Adyghe Philology
Department, Adyghe State University, Maikop.*

ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ ВАДЫГЕЙСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Хатхе А.А.*Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных
языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Читао И.А.***Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных
языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Аутлева Ф.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных
языков, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Хуажева Н.Х.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской
филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп;***Шхалахова Р.А.***Кандидат филологических наук, доцент кафедры адыгейской
филологии, Адыгейский государственный университет, Майкоп.***Abstract**

The paper considers adverbs in Adyghe, English and Russian languages, which are one of the least stable partial categories and unchangeable significant words denoting the sign of action. The study has shown that the ways of forming high-quality adjectives and adverbs are the same.

Аннотация

В статье рассматриваются наречия в адыгейском, английском и русском языках, которые являются одной из наименее устойчивых частеречных категорий и неизменяемыми знаменательными словами, обозначающими признак действия. Исследование показало, что способы образования качественных прилагательных и наречий одинаковы.

Keywords: adverb, verb, adjective, attribute phrase.**Ключевые слова:** наречие, глагол, прилагательное, атрибутивное словосочетание.

Не менее важной категорией в сопоставляемых языках является *наречие* – часть речи в составе знаменательных слов, обозначающая признак действия, качества или предмета. Основные черты грамматического своеобразия наречий заключаются в том, что они, во-первых, являются неизменяемыми знаменательными словами, обозначающими признак действия; во-вторых, определяют глагол, образуя атрибутивные словосочетания; в-третьих, обладают сложной системой словообразовательных соотношений с глаголами.

В предложении наречие является обстоятельством и сочетается в основном с глаголом, прилагательным или другим наречием, например:

1. Адыгейск.: *Ар инджылызыбзэкӀэ мыпсын-кӀэу, ау дахӀэу мӀэуцӀыӀэ.*

Английск.: *He speaks English slowly, but beautifully.*

Русск.: *Он говорит по-английски медленно, но красиво* (глагол).

2. Адыгейск.: *Мы фильм гъэшӀэгъоныр сыгу рехъы.*

Английск.: *I like this very interesting film.*

Русск.: *Мне нравится этот интересный фильм* (прилагательное).

3. Адыгейск.: *Ахэмэ мыин дӀэдӀэу орӀэдыр къаӀоуцтыгъӀэ.*

Английск.: *They didn't sing very loudly.*

Русск.: *Они пели не очень громко* (наречие).

В сопоставляемых языках наречие является одной из наименее устойчивых частеречных категорий. Это выражается в том, что наречия находятся в близкой взаимосвязи с прилагательными, существительными, местоимениями, глаголами, и другими частями речи, от которых они образованы и за счёт которых постоянно пополняются.

В кругу адыгейских наречий выделяются следующие морфологические группы:

- 1) наречия, образованные от имен существительных;
- 2) наречия, образованные от имен числительных;
- 3) наречия, образованные от местоимений;
- 4) наречия, образованные от глагольных форм.

Переход других частей речи в наречия осуществляется путем адвербиализации, суффиксальным способом, путем основосложения, путем удвоения одних и тех же основ или разных основ, например: *мафэм* «днем», *нэгъэунлэнлэгъуклэ* «мгновенно», *дахэ-у* «красиво», *ышгъагъ-клэ* «сверху» и так далее.

В английском языке наречия образуются путем адвербиализации прилагательных и при помощи суффиксов *-ly*. Например: *happily* «счастливо», *quickly* «быстро», *little* «мало» и другие.

Некоторые наречия в адыгейском и русском языках могут быть образованы путем синтаксической изоляции форм косвенных падежей существительных, например: *чэщым* «ночью», *мафэм* «днем», *гъатхэм* «весной», *а лгъэханым* «в то время» и другие.

Как видно, в адыгейском языке, по сравнению с английским, круг частей речи вовлекаемых в образование наречий более широк и грамматические способы их образования богаче. Например: *дахэу* «красиво» – от прилагательного *дахэ* «красивый», *мафэрэ* «днем» – от существительного *мафэ* «день» и т.д.

В русском языке морфологические признаки наречий как части речи немногочисленны. Основным признаком наречий является их неизменяемость. Следующим признаком, характерным для большой группы наречий, являются присущие только наречиям суффиксы *-о*, *-е*, *-и*, *-ы*, *-ому*, *-ему* (последние два обычно с приставкой *по-*), например: *весело*, *умело*, *неуклюже*, *мастерски*, *по-свойски*, *по-волчьи*, *по-новому*, *по-моему* и т.д.

Образование наречий в русском языке может происходить путём слияния падежных форм склоняемых частей речи (существительных, прилагательных, местоимений и числительных) с предложениями и превращениями этих сочетаний в одно неизменяемое слово, например: *вскачь*, *вдвое*, *влево*, *впустую*, *впятером*, *втайне*, *издалека*, *направо*, *по-моему*, *сбоку*. Класс наречий пополняется также за счет деепричастий, утрачивающих связь с глаголами и теряющих видовременные и залоговые значения, например: *лежа*, *молча*, *немедля*, *идя*.

По структурному составу адыгейские наречия можно разделить на простые (*джы* «теперь», *игъом*

«вовремя»), сложные (*асыхъатым* «сразу») и составные (*гъорекло гъатхэ* «весной прошлого года»).

По своему строению наречия английского языка делятся на простые (*often* «часто», *seldom* «редко»), производные (*busi-ly* «деловито», *easi-ly* «легко») и сложные (*inside* «внутри», *somewhere* «где-нибудь»).

Наличие степеней сравнения у наречий является еще одним доказательством, подтверждающим близость качественных прилагательных и качественных наречий.

В английском языке категория степени сравнения присуща не всем разрядам наречий. Так, наречия времени, места и направления лишены форм словоизменения. Степени сравнения имеют главным образом наречия образа действия, а также некоторые наречия меры и степени.

В русском языке степени сравнения качественных наречий по образованию совпадают с формами степеней сравнения имён прилагательных. Образование сравнительной степени наречий происходит посредством суффиксов *-ее*, *-ей*, *-ше*, *-е*, например: *вольнo* – *вольнее* (*вольней*); *хорошо* – *лучше*; *высоко* – *выше*; *ярко* – *ярче*.

Некоторые русские наречия, как и прилагательные, имеют в сравнительной степени двойные формы: *более* и *больше*, *далее* и *дальше*, *позднее* и *позже* и другие.

В адыгейском языке сравнительная степень образуется: 1) с помощью частицы *нахъ* «более», например: *Ежъ Замирэ игулытэ нахъ чанэу кычлэкыгъ ыкли лыгъи кыхэфагъ*. – «Замира оказалась более сообразительной и проявила смелость»; 2) с помощью частицы *нахьи нахъ* «более», например: *Арэн, уздэчылэгъэ Воронез: тэ тэдэжъ нахьи нахъ благъа, мит Iум азфагу джырэ нэс укъэсышгъугъэба?* – «Неужели, Воронеж, где ты побывал, намного ближе, чем наш дом, что ты до сих пор до нас не смог добраться?»; 3) с помощью частицы *нахъ* «более», а также уменьшительного суффикса *-ly* и усилительного суффикса *-жъ*, например: *Джащыгъур ары нахъ лэжъэу сыгу зыушункытагъэр*. – «Вот именно тогда я потерял всякую надежду».

В английском языке сравнительная степень наречий образуется при помощи суффикса *-er*, например: *faster* «быстрее», *later* «позднее», *sooner* «скорее» и так далее.

Наречия, образованные от прилагательных с помощью суффикса *-ly*, оформляют сравнительную степень при помощи *more* «более», например: *more easily* «легче», *more clearly* «яснее».

Превосходная степень наречий в адыгейском языке образуется двумя способами:

- 1) при помощи усилительных суффиксов *-бз-*, *-ицэ-*, *-жъы-* путем присоединения суффиксов наречия *-эу*, *-еу*, *-у*. Например: *шлычла-бз-эу* «слишком черный», *плъыжъы-бз-эу* «слишком красный», *дэха-ицэ-у* «слишком красивый», *дэгъу-ицэ-у* «слишком хорошо», *цлыкълу-жъы-еу* «очень маленький»;

2) при помощи усилительных слов *бэу* «очень, исключительно», *лэшиэу* «очень, невероятно», *инэу* «очень, невероятно», а также при помощи частицы *дэд* «очень, исключительно», например: *бэу дэгэу* «очень хороший», *лэшиэу дахэу* «очень красиво», *дэхэ дэд* «очень красиво», *бэ дэдэу* «очень много» и так далее.

Превосходная степень наречий в английском языке образуется при помощи суффикса *-est*, например: *fast-est* «быстрее всего», *lat-est* «позднее всего» и так далее.

Значение превосходной степени наречий в современном русском языке может выражаться описательно – посредством сочетания формы сравнительной степени с местоимением *всего* (*всех*) например: *любить больше всего*, *работать лучше всех* и так далее.

Таким образом, как видно из изложенного, формы степеней сравнения во всех трех языках полностью переносятся из системы прилагательных в разряды наречий, иначе говоря, способы образования качественных прилагательных и наречий одинаковы.

УДК 811.161.2

FEMINITIVES AS LEXICAL MATERIAL FOR STUDY UKRAINIAN LANGUAGE BY INTERNATIONAL STUDENTS

Sheremet A.

Postgraduate student of Hryhorii Skovoroda University in Pereiaslav

ФЕМІНІВІТИ ЯК ЛЕКСИЧНИЙ МАТЕРІАЛ ДЛЯ ВИВЧЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ МІЖНАРОДНИМИ СТУДЕНТАМИ

Шеремет А.

Аспірант Переяславського університету імені Григорія Сковороди

Abstract

The author analyzes use of feminitives in Ukrainian language workbooks for international students of language training courses in Ukraine. Feminitives are available for study Ukrainian grammar and for lexical training as well.

Анотація

Автор аналізує вживання фемінативів при укладанні підручників з української мови для студентів-слухачів підготовчих відділень. Фемінативи трапляються у підручниках, як при роботі з лексичним матеріалом, так і при засвоєнні граматики.

Keywords: international students, pedagogics, feminitves, culture adaptation, language training.

Ключові слова: студенти-іноземці, педагогіка, фемінативи, фемінітиви, культурна адаптація, мовна підготовка.

Актуальність дослідження. Однією з важливих проблем розмовної практики, з якими стикаються студенти-іноземці під час навчання в Україні, є відмінності функціонування лексики, живої в підручниках з української мови від мови повсякденного спілкування. Істотним елементом культурної адаптації студентів-іноземців є подолання цих стильових розбіжностей шляхом охоплення увагою української лексики, притаманної різним сферам комунікації. Перед викладачами української мови як іноземної постає вибір: надати студентам якомога більший об'єм лексичних одиниць, які можуть знадобитися їм у побутових та формальних ситуаціях (у деканаті, у крамниці, у транспорті, на вечірках) чи подати унормований рекомендований підручниками базис, за яким успішно навчали багато поколінь студентів-іноземців в українських закладах вищої освіти та який гарантує успішне складання іспитів у майбутньому. У реаліях сучасного світу сконденсувати необхідний лексичний мінімум, який іноземні студенти зможуть засвоїти відповідно до навчальних планів, надзвичайно непросто.

Постановка проблеми. З фемінативами в українській мові іноземні студенти стикаються щодня. Нова редакція Правопису української мови регламентує вживання іменників на позначення осіб жіночої статі [12:135]. Автор проаналізував особливості вивчення фемінативів студентами-іноземцями на матеріалі підручників з вивчення української мови як іноземної для різного рівня підготовки слухачів.

Аналіз останніх досліджень та публікацій. Автору невідомі роботи, присвячені питанням вивчення фемінативів студентами-іноземцями. Дослідження особливостей викладання української мови як іноземної належать М. В. Арделян, Л. Б. Бей, Х. Ш. Бахтіяровій, О. Туркевич, О. Сербенській, А. А. Бронський, Л. Т. Назаревич, Н. І. Гавдиді, А. О. Тимченко, Л. І. Гурській, Н. З. Сварич, Н. С. Ніколаєвій, В. О. Любчевській-Сокур, О. О. Ситник, Л. Л. Черепасі, О. М. Тростинській, З. Терлаку [1; 2; 11; 8; 4; 6; 10; 5; 8; 7].

Метою статті є дослідження особливостей вивчення іноземними студентами української лексики на позначення осіб жіночої статі при вивченні української мови як іноземної.

Викладення основного матеріалу. Феміністичність іменників визначає граматична категорія роду. Згідно навчальних планів, студенти-іноземці з нульовим рівнем володіння українською мовою починають вивчати граматичний рід приблизно на третьому тижні відвідування занять. Фемінативи є надзвичайно ілюстративним лексичним матеріалом функціонування категорії роду іменника. Засвоївши фемінні флексії –а\-я, студенти-іноземці легко створюють агентивні пари типу викладач→*викладачка*, офіціант→*офіціантка*. Примітним є те, що іноземні студенти надають перевагу саме флексивному способу творення фемінативів-запозичень, незважаючи на володіння англійською мовою: від іменника «бізнесмен» замість «бізнесвумен» вони при творенні надають перевагу саме варіанту «*бізнесменка*».

У посібнику «Українська мова для студентів (елементарний рівень)», подається така вправа з агентивного творення:

- Хто це?
- Це Ахмед
- Хто він?
- Він студент
- Він українець?
- Ні, він іноземець

Подібна вправа подається у підручнику «Українська мова. Практичний курс для іноземців»:

- Це твоя *подруга*?
- Так.
- Як її звати?
- Її звуть Олесь.
- Вона *студентка*?
- Ні, вона не *студентка*. Вона працює у поліклініці. Вона *медсестра*. [Бахтіярова:63].

Подані вправи є типовими, та відповідають елементарному рівню володіння українською мовою іноземних студентів.

Автори Л. Т. Назаревич та Н. І. Гавдида у модулі «Я і моя сім'я» пропонують іноземним студентам лексичний мінімум фемінних іменників на позначення членів родини: *бабуся, мама, сестра, свекруха, невістка, донька, хресна мама, похресниця, тесть, мачуха* [6:8].

Фемінативи вживаються укладачами посібників для слухачів підготовчих відділень також при демонстрації вправ для творення назв національностей. Наприклад, Н. З. Сварич пропонує вправу для творення за такою схемою: Україна→українець→*українка* (...); Туреччина→турок→*туркеня* (...); Франція→француз→*французька*(...); Китай→китаєць→*китайка* [8:60]. Таким чином, студенти-іноземці вивчають різні способи деривації фемінних етнонімів.

Студентів-іноземців заохочують до творення складних слів при вживанні фемінативів, що є гарною базою для подальшої мовної практики. Один з текстів у посібнику «Готуймося до екзамену!» має назву «*Нова студентка-іноземка*» [5:60].

Фемінативи використовують автори посібника «Українська мова. Збірник вправ» Ніколаєва Н. С.,

За фахом він ...

викладач
перекладач
секретар
продавець

[8:24].

Засвоєння української фемінної лексики відбувається неоднаково у студентів з різних країн – наприклад, іноземні студенти, рідною мовою яких є арабська, у якій представлена граматична категорія роду, ефективно послуговуються ними на практичних заняттях з лексики. Також, важливим аспектом вивчення фемінативів є те, що студентам з країн, у рідній мові яких немає категорії роду (тюркська мовна родина) така лексика пришвидшує і полегшує засвоєння української граматики.

У «Збірнику текстів та вправ з української мови для іноземних студентів усіх спеціальностей І-ІІ курс» подається такий діалог:

- Хто там?
- Там Лейла
- Хто вона?
- Вона *студентка*.
- Вона *іноземка*?
- Так, вона *іноземка*

[1:6]

Невойт В. І., Любчевська-Сокур В. О., Ситник О. О., Черпаха Л. Л. у модулі «Орудний відмінок прикметників та присвійних займенників у однині» як базу для вивчення тематичного блоку:

7. З якою *співачкою* була зустріч в клубі? (відома)

8. З якою *сестрою* ви ходили у дитячий театр? (молодша)

9. З якою *медсестрою* консультується хворий? (досвідчена)

10. З якою *аспіранткою* працює професор? (серйозна) [7; 96].

Висновки. Вивчення будь-якої іноземної мови починається з іменників та їхніх граматичних категорій. Надзвичайно полегшує засвоєння елементарного рівня української мови використання фемінативів як ілюстраційного матеріалу, починаючи з найперших занять. Проаналізувавши ряд навчальних посібників, було знайдено багато лексичного матеріалу. Автор статті не знайшов робіт, присвячених даній проблематиці, що робить цю тему перспективною для подальших досліджень спеціалістами з проблем вивчення української мови як іноземної.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Арделян М. В. Збірник текстів та вправ з української мови для іноземних студентів усіх спеціальностей (І-ІІ курс). Методичні рекомендації. – Харків: Харк. держ. ун-т харч. та торгівлі, 2015. – 74 с.

2. Бахтіярова Х. Ш. Українська мова. Практичний курс для іноземців : посіб. для студ. вищ. мед. та фармацев. закл. освіти II – IV рівнів акредитації / Х.Ш. Бахтіярова, С.С. Лукашевич, І.З. Майданюк,

М.П. Сегень, С.В. Петухов; за ред. Г.О. Золотухіна. – Т. : Укрмедкнига, 1999. – 320 с.

3. Бей Л. Б. Проблеми викладання української мови різним категоріям іноземних студентів / Л. Б. Бей, О. М. Тростинська // Вісник Харківського Національного університету ім. В. Н. Каразіна № 12. – С. 42–49.

4. Бронська А. А. Теоретичні основи базової методичної підготовки викладачів української та російської мов як іноземних / А. А. Бронська. – К.: Редакція «Бюлетеня Вищої атестаційної комісії України», видавництво «Толока», 2002. – 208 с.

5. Гурська Л. І. Готуймося до екзамену! Навчальний посібник для самостійної роботи з української мови як іноземної для слухачів підготовчого відділення. – Київ, 2019. – 95 с.

6. Назаревич Л. Т., Гавдида Н. І. Українська мова для іноземців. Практикум / Л. Т. Назаревич, Н. І. Гавдида — Тернопіль: ФОП Паляниця В. А., 2017. — 188 с.

7. Ніколаєва Н. С., Невойт В. І., Любчевська-Сокур В. О., Ситник О. О., Черепаха Л. Л. Українська мова для іноземців (збірник вправ) / Ніколаєва

Н. С., Невойт В. І., Любчевська-Сокур В. О., Ситник О. О., Черепаха Л. Л. - К.: 2002. 174 с.

8. Н. З. Сварич. УКРАЇНСЬКА МОВА ДЛЯ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ (елементарний рівень).

9. Терлак Зеновій, Сербенська Олександра. Українська мова для початківців. Украинский язык для начинающих. Априорі 2019 р. 268 ст.

10. Тимченко А. О. Викладання української мови як іноземної: деякі зауваги / А. О. Тимченко // Інновації та традиції у мовній підготовці студентів: тези доповідей міжнародного науково-практичного семінару. – Харків : ХНУБА, 2017. – С. 293–294.

11. Туркевич О. Становлення терміносистеми методики викладання української мови як іноземної : монографія / Оксана Туркевич. – Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2015. – 220 с.

12. Український правопис / Українська національна комісія з питань правопису. - К., 2019. - 282 с.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

PSYCHOLOGICAL ASPECT OF DISTANCE LEARNING

Zasluzhennaya A.,

candidate of pedagogical sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, National Aviation University, Ukraine, Kiev

Zheludenko M.

candidate of pedagogical sciences, senior lecturer, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, National Aviation University, Ukraine, Kiev

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Заслуженная А.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии Национального авиационного университета, Украина, Киев

Желуденко М.А.

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранной филологии Национального авиационного университета, Украина, Киев

Abstract

The article discusses the main components of the psychological aspect of distance learning; the factors influencing the effectiveness of distance learning have been established; the basic principles of psychological support to the content of distance education have been analyzed.

Аннотация

В статье рассмотрены основные составляющие психологического аспекта дистанционного обучения; установлены факторы, влияющие на результативность дистанционного обучения; проанализированы основные принципы психологического обеспечения содержания дистанционного образования.

Keywords: psychological aspect, distance learning, the effectiveness of digital learning, psychological comfort, classification of the principles of distance learning, principles of psychological support to the content of distance education.

Ключевые слова: психологический аспект, дистанционное обучение, результативность цифрового обучения, психологическая комфортность, классификация принципов дистанционного обучения, принципы психологического обеспечения содержания дистанционного образования.

Исследование является результатом проекта «Потенциал высшего образования в условиях пандемии: глобальное, европейское, национальное измерения» (№ 2020.01 / 0172) Национального фонда исследований Украины, профинансированного за счет государственного бюджета.

В связи с мерами по предотвращению распространения пандемии, вызванной COVID-19 и отсутствием иной альтернативы для обеспечения образовательного процесса в сфере высшего образования, дидактические и психологические вопросы дистанционного образования являются актуальными для всех сторон образовательного процесса.

Недостаточная степень изучения проблемы, отсутствие исследований психологического аспекта цифрового образования в экстраординарных условиях обуславливают выбор темы статьи и необходимость исследования обозначенной проблематики с разных сторон.

В научной литературе психологию дистанционного обучения традиционно считают междисциплинарной областью изучения по двум основным причинам. Во-первых, дистанционное обучение как электронное обучение – это образовательный феномен, включающий когнитивные, социальные, неврологические и другие процессы. Во-вторых, психология включает в себя множество дисциплин,

таких как когнитивная психология, психология развития, социальная психология, клиническая психология и неврологическая психология [1, с. 288].

В данной статье мы рассмотрим разные взгляды исследователей на проблемы цифрового образования в психологическом ракурсе, а также проанализируем факторы, определяющие результативность данного вида образования.

Ю. Фальштинская занималась исследованием вопроса восприятия информации студентами с учетом их психологических типов при дистанционном обучении [2] и Е. Добрынина исследовала вопрос влияния психотипологических характеристик личности на особенности изучения иностранного языка и интериоризацию научного знания [3].

А. Хара, учитывая специфические психологические потребности студентов при разработке дистанционного курса, выделяет факторы, влияющие на результативность данного обучения:

1. Пол (мужчины, женщины).
2. Тип темперамента (холерики, сангвиники, флегматики, меланхолики).
3. Доминирование полушарий (левое полушарие отвечает за логическое мышление, правое – за творчество, интуицию).
4. Реакции на выполнение задания (активисты, теоретики, прагматики, рефлексоры).

5. Типы восприятия информации слушателями: визуальный (информация воспринимается образами), аудиальный (информация кодируется с помощью слов), кинестетический (информация воспринимается с помощью ощущений) и цифровой или дискретный (доминирует диалог и анализ).

6. Типы восприятия и обобщения информации: «абстрактный» (от абстрактного к конкретному), «конкретный» (от конкретного к абстрактному) или интуит (все обобщает) и сенсорик (все конкретизирует) по Юнгу.

7. Типы определения целей: тип «От» (внимание сосредоточено на избегаемом результате) и «К» (внимание сосредоточено на желаемом результате).

8. Отношение к выбору: человек выбора (нацелен и мотивирован), человек процедуры (требует четких инструкций и наставлений).

9. Типы слушателей согласно стратегии управления: лица с внутренней стратегией (все зависит от них самих), лица с внешней стратегией (все зависит от внешних обстоятельств) [4].

Вопросом классификации принципов дистанционного образования занималась А. Застело [5]. К группе принципов психологического обеспечения содержания дистанционного образования исследовательница относит такие:

- принцип интерактивности, отражающий межсубъектную деятельность, диалог преподавателя со студентом, взаимодействие между субъектами учебного процесса с учетом их индивидуально-психологических особенностей;

- принцип гибкости, отражающий создание информационных сетей, баз данных для дистанционного обучения, позволяющим студенту самоорганизовывать образовательную программу по индивидуальным способностям, целям, возможностям;

- принцип обучения без помех, отражающий расширение пространства коммуникативных возможностей между преподавателем и студентом, создание условий комфортной взаимодействия во времени и пространстве образования;

- принцип активной обратной связи, фиксирует постоянное получение отклика на каждое познавательное действие, шаг во взаимодействии субъектов образовательного пространства;

- принцип адаптивности, что отражает индивидуальный темп обучения, самостоятельный выбор регистрации, курсов, а также сроков консультаций и сдачи экзаменов;

- принцип динамичности, отражающий раскрытия способностей и самоопределения субъектов образовательного пространства в динамике овладения определенным опытом, организации образовательного взаимодействия;

- принцип соответствия фундаментальности образования познавательным потребностям субъектов образовательного пространства, которое строится на достаточно высоком мотивационном побуждении, направленности на достижение поставленной цели, формировании способности к коммуникации, стремлении к саморазвитию и самокоррекции, обеспечение соответствия внешнего

образовательного продукта внутренним личностным потребностям;

- принцип выбора получаемой информации, отражающей творческий самостоятельный процесс преобразования информации субъектами образовательного пространства в соответствии с поставленными задачами;

- принцип учета индивидуальных особенностей субъектов образовательного пространства, который определяет соответствие образовательного процесса их индивидуальным особенностям на трех уровнях: психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом;

- принцип приоритета деятельностных критериев оценки результатов дистанционного обучения перед информационными;

- принцип творчества, отражается в создании субъектами образовательного пространства новой образовательной продукции по изучаемым предметам, конструировании новых форм и методов образовательного взаимодействия, презентации идей решения учебных проблем и тому подобное.

Помимо выше сказанного, психологическая комфортность образовательной среды для студента является одной из предпосылок успешности его обучения. В концепте психологической комфортности выделяются два важных аспекта: диалогово-интерфейсный и социально-организационный [6, с. 154-155]. Уменьшение «технических» усилий (облегчение технологической процедуры взаимодействия, обеспечения недвусмысленности понимания) отвечает диалогово-интерфейсному аспекту. Социально-организационный аспект в концепте психологической комфортности включает в себя две составляющие: удовлетворение социального инстинкта и личностная целостность [6, с. 173-174].

Итак, при создании дистанционного курса преподавателям помимо дидактического аспекта необходимо учитывать различные психологические составляющие, которые являются важными факторами в обеспечении эффективности обучения при дистанционном обучении. Кроме того, психологический комфорт цифрового образования охватывает весь спектр инструментов, который включает в себя не только наполненность курса, но и возможности контакта преподавателей и студентов, выработку правил цифрового этикета, соблюдения цифровой диеты, повышение качества цифровых платформ, установления work-life баланса, психологическую поддержку преподавателей, снижения уровня стресса, вызванного тотальной цифровизацией образовательного процесса и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Zheng Yan, Heping Hao, L. Jon Hobbs, Ning Wen. The psychology of e-learning: a field of study. J. educational computing research. Vol. 29(3), 2003. 285–296.
2. Фальштинська Ю.В. Методологічні та психологічні проблеми використання інформаційно-комунікаційних технологій у дистанційному навчанні. Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. 2016. Вип. 3. С. 142–147.

3. Добрынина Е.Н. Влияние психотипологических характеристик личности на особенности изучения иностранного языка: автореф... дис. кан. наук. Ставрополь. СГУн-т, 2004. 24 с.

4. Хара О.М. Психологічні особливості дистанційного навчання математики. Математика в школі. 2008. № 7 / 8. С. 32–35.

5. Застело А.О. Психологічні основи дистанційного навчання. Вісник Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Психологія. 2013. Вип. 45(2). С. 85-94.

6. Дистанційне навчання: психологічні засади : монографія / [М.Л. Смульсон, Ю.І. Машбиць, М.І. Жалдак та ін.] ; за ред. М.Л. Смульсон. Кіровоград : Імекс-ЛТД, 2012. 240 с.

SOCIAL SCIENCES

CAUSE-LOGICAL CONNECTION OF DISABILITY MODELS

Gridasova E.

*Candidate of Pedagogical,
Associate Professor Departments of Management
of Socio-political Processes and History,
Saint Petersburg State Agricultural University,
Saint Petersburg*

ПРИЧИННО-ЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ МОДЕЛЕЙ ИНВАЛИДНОСТИ

Гридасова Е.А.

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры управления
социально-политическими процессами и истории,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет, г. Санкт-Петербург*

Abstract

In the article, the author analyzes conceptual approaches to the three main models of disability: medical, economic, and social. Establishes causal links and relationships between models of disability, reveals the logical relationships of their main characteristics. Comprehensively examines the advantages and disadvantages of these models, the feasibility and relevance of their application in modern society.

Аннотация

В статье автор анализирует концептуальные подходы к трем основным моделям инвалидности: медицинская, экономическая, социальная. Устанавливает причинные связи и отношения между моделями инвалидности, раскрывает логические взаимосвязи их основных характеристик. Всесторонне рассматривает достоинства и недостатки указанных моделей, целесообразность и актуальность их применения в современном обществе.

Keywords: disability, medical model, economic model, social model, inequality, discrimination.

Ключевые слова: инвалидность, медицинская модель, экономическая модель, социальная модель, неравенство, дискриминация.

Понятие инвалидности уходит в глубь веков цивилизаций и стран. На протяжении всей истории человечества феномен инвалидности вызывал пристальное внимание и противоречивые чувства от страха и неприязни до противоположных – восхищения и почитания. Какими были представления об инвалидности, и рефлексия общества на физические особенности? Ответы на эти вопросы можно получить из мифов, трудов Платона, Аристотеля, дидактической и религиозной литературы. Однако, история инвалидности не находилась в поле зрения ученых на протяжении длительного времени. Книга французского историка Анри-Жак Стикера «Corps infirmes et sociétés» [1], содержащая одну главу об инвалидности в средние века, написанная в 1982 году, считается первым научным исследованием инвалидности в историческом ракурсе. Анри-Жак Стикер обращает внимание на негативное отношение к инвалидности и преобладающей эпихально практике исключения этих людей, противопоставляя актуальную современную тенденцию включения инвалидов во все общественные и экономические процессы.

В XVIII и XIX веках появляются исследования инвалидности в рамках трудов по медицине. Социальные же основы инвалидности потребовали детального анализа в теоретическом и эмпирическом

аспектах лишь в 20-х годах XIX века в связи с огромным количеством жертв во время Первой мировой войны.

«После 1918 года только в Германии на социальное обеспечение и общественное признание претендовали 2,7 миллионов инвалидов войны». В России «Война принесла колоссальные разрушения и беспрецедентные жертвы... 10 миллионов погибших, 20 миллионов раненых, из которых от 3,5 до 7 миллионов человек остались инвалидами и калеками...» [2].

Информация о количестве инвалидов Первой мировой войны и искалеченных людях, очень противоречивая и значительно отличается в различных источниках.

Огромное количество изувеченных людей во всех странах-участниках Первой мировой войны предстояло вылечить, адаптировать к новым условиям, выдвигаемым особенностями физического тела, вернуть в привычную жизнь для выполнения различных социальных ролей – отца, главы семейства, мужа, работника, обеспечить социальным обслуживанием.

Именно эти горестные обстоятельства послужили формированию междисциплинарного характера познания инвалидности, вызывая интерес к

ней не только медицины, но и социологии. Историки социологии заинтересовались проблемой инвалидности в историческом ракурсе. Появились такие труды как «Цивилизация и калеки» Ф. Уотсона (1930), «Паралитики, хромые и слепые: жизненно важная роль медицины в истории цивилизации» Х. У. Хаггарда (1932).

Историки впервые рассматривали инвалидность не только как медицинскую проблему, требующую постановки диагноза, лечения и реабилитации, но и как социальную, в основе которой лежит концепция неблагоприятных последствий ограничения функционирования.

На постсоветском пространстве и в России до недавнего времени вопросам инвалидности в научной среде уделялось не так много внимания. Очевидно это связано с традиционным мнением об инвалидности как проблеме здравоохранения и со сложностью получения объективных статистических данных об инвалидах. Книжки, статьи об инвалидности чаще всего представляют собой нарративы, обзоры или отчеты о соблюдении прав инвалидов, об их социальном положении и составе.

Исследуя различные подходы к феномену инвалидности, можно выделить определенные социальные конструкты, которым свойственна некая историческая статичность, и которые обладают рядом характерных черт, несмотря на их подверженность трансформации в связи изменчивостью и разноплановостью социальной политики в отношении инвалидов.

Основной, прошедший века социальный конструкт инвалидности – медицинская модель. Официально инвалидом считается лицо, имеющее свидетельство об инвалидности, выданное уполномоченной структурой. В России освидетельствование инвалидности проводит Бюро медико-социальной экспертизы. В 2019 году официально было зарегистрировано около 12 миллионов инвалидов [3]. Основанием медосвидетельствования является диагноз, органическая патология, которые автоматически наделают инвалидов статусом больных. Медицинская модель предполагает, что заботу о «больных» берет на себя государство, в связи с их неспособностью функционировать в обществе. Государство на постоянной основе обеспечивает «больных» комплексом лечебно-оздоровительных и социальных мероприятий, включая реабилитацию, абилитацию, уход, обеспечение необходимыми техническими средствами (приспособлениями) и лекарствами.

Наличие дефекта, органические нарушения, нарушения анатомических частей и физиологических функций систем организма влияют на функциональные возможности физического тела и ограничивают жизнедеятельность человека. Затрагивая тему инвалидов в различных источниках, в зависимости от целеполагания статьи, к группе людей, имеющих дефекты, применяют разнообразные термины: люди с ограниченными возможностями здоровья, с ограничением жизнедеятельности, инвалиды, маломобильные граждане, инвалидная часть

населения. Все указанные термины тяготеют к одному смысловому стрелу: речь идет о людях неполноценных, дефектных, ущербных, патологических, нездоровых.

Поскольку речь идет об отклонениях от нормы, возникает вопрос о способности инвалидов вступать в трудовые отношения, выполнять трудовые функции, зарабатывать средства для обеспечения своей жизни. Эта проблема легла в основу экономической модели инвалидности.

Лотова Ирина Петровна, доктор психологических наук пишет о связи медицинской модели с экономической и о том, что в основе концепции экономической модели лежит тезис о неспособности инвалидов работать вообще или наравне с валидной частью населения: «Экономическая модель инвалидности во многом является закономерным продолжением медицинской модели, предполагает перераспределение доходов между различными слоями общества, там, где в качестве методологической основы принимается медицинское определение инвалидности. Поскольку лица с ограниченными возможностями рассматриваются как физически неполноценные или психически больные, то отсюда делается вывод о том, что они могут работать с гораздо меньшей нагрузкой, чем здоровые люди, или не способны работать вообще. Таким образом, лица, страдающие неполноценностью, изначально рассматриваются как менее производительные и экономически ущербные.» [4].

Экономическая модель строится на очевидности мнения валидной части населения о полной или частичной нетрудоспособности инвалидов. В силу этого стереотипа общество порождает умозаключение о неспособности инвалидной части населения к самообеспечению. В следствии факта профессиональной несостоятельности и материального лишения государство должно проявить заботу об этой категории граждан, выражающуюся в разнообразных формах финансовой поддержки.

Несмотря на гуманность медицинской модели и концепта финансовой помощи инвалидам, они имеют выраженные негативные психологические, социальные и правовые последствия. «Отцовская» забота государства в экономической модели, обеспечение всех потребностей инвалида снижает роль и участие в своей судьбе индивида, получающего покровительство власти. Это приводит к социальной обособленности, изоляции, правовому неравенству, дискриминации, угнетению. Доминирующим представлением общества об инвалидах становится стойкое убеждение, что в силу «болезни» они не могут трудиться, принимать решения, выполнять роли отца, матери, главы семейства, быть самостоятельными. Общество поставило границу между инвалидами и неинвалидной частью населения, ущемив их в гражданских правах, априористически установив невозможность независимой самостоятельной жизни.

В основе медицинской модели лежит дефект, являющийся проблемой человека. В этой модели требуется исправление дефекта-инвалидности, приведение физического тела к общепринятой

норме (лечение, реабилитация, абилитация). Получается, что в рамках медицинской и экономической моделей инвалидность – это свойство человека, требующее корректировки, исправления дефекта, материальной помощи.

Сторонники социальной модели не отрицают существования дефекта, но проблемой они считают не сам дефект, а социальные последствия, которые он влечет. В результате дефекта инвалиды не могут функционировать в социуме не в силу своих особенностей, а в силу того, что в окружающей среде они встречают барьеры, препятствия, которые не могут преодолеть. Именно столкновение с разного рода препятствиями – предубеждением, отношением, архитектурными и информационными преградами, делают из них инвалидов. Проблемой в данном случае является способ устройства общества, а не дефект. Авторами социальной концепции считаются сами инвалиды, которые заявили, что общество из-за неспособности организовать субъект-субъектную коммуникацию неинвалид-инвалид, из-за отсутствия понимания необходимости устройства удобной архитектурной среды, в которой может быть организована полноценная жизнь людей с физическими особенностями, называет этих людей инвалидами, дискриминирует их и делает ненужными, бесполезными, исключенными.

Медицинская модель представляет инвалидность как нарушения организма, экономическая модель – как состояние пребывания на иждивении государства, социальная модель – как несовершенство устройства общества и окружающего пространства. Соответственно медицинская модель нацелена на компенсацию индивидуальных нарушений организма, а экономическая модель на финансовую поддержку, не принимая во внимание необходимость устранения факторов, создающих барьеры: несовершенный дизайн зданий, помещений, общественного транспорта, недоступность информации.

В медицинской модели есть понятия норма и болезнь. Все, что нельзя отнести к норме (глухота, слепота, нарушения опорно-двигательного аппарата) автоматически становится ненормальностью, изъяном. Люди, читающие шрифтом Брайля, слышащие слуховыми аппаратами, передвигающиеся на креслах-колясках в прямом смысле слова чувствуют себя вне нормы – ненормальными, и самоисключают себя из социума.

Социальная модель разграничила понятия диагноз и инвалидность. Диагноз – результат заболевания, травмы, он может вызвать трудности в функционировании. Барьеры – это несовершенство окружающей среды и негативное отношение общества к инвалидам. Между диагнозом и барьерами находится инвалидность, как их заложник. Инвалидность – это невозможность преодолеть трудности функционирования в социуме из-за несовершенства окружающей среды и психологического отторжения инвалидов обществом. Таким образом

изменению должно подлежать окружающая среда и общество, а не инвалид.

Социальная модель признает наличие заболевания или физиологических отличий, но сдвигает фокус внимания на изменение физического мира, который создается рукотворно, и может быть созданным, как удобным, так и неудобным. Социальная модель смещает акцент с объекта вынужденного подчинения чьей-то воле – субъект-объектный стиль взаимодействия на субъект-субъектный стиль взаимодействия между неинвалидной частью общества и инвалидами. Ограничение функционирования является проблемой не человека-инвалида, а проблемой архитектуры, информационных технологий, технических средств, приемов и методов донесения информации, неадаптированных для всех людей с учетом их вариативности. Получается, что, создавая пространства, в которых инвалиды ощущают ограничение жизнедеятельности и зависимость от других людей, общество нарушает гражданские права инвалидов, дискриминирует их.

Таким образом, в основе медицинской и экономической моделях инвалидности лежат отличия, неэквивалентность, что приводит к ущемлению прав инвалидов. Социальная модель ориентирована на изменение социума как психологической и физической среды для всех, для каждого, независимо от индивидуальных особенностей человека. Социальная модель способствует состоятельности инвалидов, функционированию на равных условиях в современном обществе. По нашему мнению социальная модель должна быть дополнена государственной системой медицинского и социального обслуживания инвалидов, что позволит им выбирать степень участия во всех социальных, общественных и экономических процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Stiker Henri-Jacques Corps infirmes et sociétés. Essais d'anthropologie historique. - 3 изд. - Paris: Dunod, 2013.
2. Бочарова Зоя Сергеевна Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории За рубежной России // Вестник РУДН. История России. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-kombatantov-pervoy-mirovoy-voyny-v-kontekste-istorii-zarubezhnoy-rossii> (дата обращения: 10.11.2020). С. 125–150.
3. Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт URL: <https://www.gks.ru/folder/13964> (дата обращения: 16.04.2020).
4. Лотова Ирина Петровна Качество жизни инвалидов как междисциплинарная проблема // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-invalidov-kak-mezhdistsiplinarnaya-problema> (дата обращения: 01.02.2020). С. 55

№49/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 24 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China) and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>